

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЗОЛОТОЙ
СКЕЛЕТ
В ШКАФУ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Золотой скелет в шкафу

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Золотой скелет в шкафу / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-092183-6

Полковник МУРа Лев Гуров расследует покушение на банкира Владимира Найденова, во время которого погиб его сын. Вскоре сыщик выясняет, что биография финансиста просто напичкана странными и необъяснимыми событиями. Смерть первой жены, последовавший за этим поспешный брак с дочерью тогдашнего секретаря обкома партии, подозрительные связи Найденова... Гуров упорно распутывает клубок загадок и приходит к выводу, что покушение готовилось вовсе не на банкира или его сына, а на человека, чью тайну Найденов хранит всю свою жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092183-6

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Тайна трех бриллиантов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Николай Леонов, Алексей Макеев

Золотой скелет в шкафу

© Макеев А., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Тайна трех бриллиантов

Глава 1

В преддверии Восьмого марта даже оперуполномоченные уголовного розыска бывают склонны к отчаянным безумствам. Вот и полковник Лев Иванович Гуров не избежал волнующего влияния весны.

Мысленно взвесив все «за» и «против» и подведя финансовый баланс, он сообщил жене, что она может выбрать себе подарок в ювелирном.

– Ой, правда?! Хочу колечко! – тут же последовал ответ. – Нет... лучше подвеску. Нет, лучше... может, лучше цепочку?

– На твой вкус, – великодушно разрешил щедрый муж.

– Да, цепочка лучше, – немного подумав, сделала вывод Мария. – Кольцо не на каждый спектакль наденешь, а цепочку всегда можно носить. Да! Точно! Хочу цепочку. Красивенькую, чтоб все девчонки завидовали. Куда пойдем выбирать?

– В «Бирюзу», – без колебаний ответил Гуров. – У меня там хозяин знакомый, он, если что, стопроцентную скидку сделает.

– Так уж и стопроцентную? – лукаво взглянула Мария. – А откуда ты его знаешь? Он что, из «бывших»? Из тех, кто в «лихие девяностые» поднялся?

– Да нет, сам-то он как раз из законопослушных. А те, которые «из бывших», наехать на него хотели. Не силовыми методами, конечно, сейчас такое уже не проходит. Но метод найти всегда можно, было бы желание. Откуда ни возмись, проверки на него посыпались, обвинения в махинациях, в неуплате налогов, в торговле подделками. В общем, нашли, к чему придраться. Но и он тоже парень не промах. Не мягкотелый, как говорится. Все эти атаки отбил и при своих остался. Тогда они в отместку решили один из магазинов его почистить. Тут мы их и взяли. На входе, так сказать.

– А как же вы узнали, что они собираются к нему «в гости»?

– Так же, как и обычно. Это называется «оперативное наблюдение». Слышала что-нибудь о таком?

– Да уж слышала. У самой муж – наблюдатель. Иногда ночи напролет неизвестно где пропадает.

– Ладно, не ворчи, – улыбнулся Лев. – Незачем праздник портить.

– А что, этот владелец «Бирюзы» заявление написал, что на него наезжают? – снова спросила Мария.

– Само собой.

– А так можно?

– Почему нет? Если к тебе предъявляют незаконные претензии, не только можно, даже нужно заявить. За этими ребятами, между прочим, не одно подобное дело числилось. Там целая группа была, орудовали масштабно. И по собственной инициативе, и заказы выполняли рейдерские. Так что сотрудничество с этим «ювелиром» получилось у нас, как говорится, взаимовыгодным. Мы его от «братков» избавили, он нас на серьезное раскрытие вывел.

– Но боюсь, на стопроцентную скидку это все равно не потянет, – вновь вернулась к насущному вопросу Мария.

– Нет, это я пошутил, конечно. Хотя было бы неплохо. Собственно, у нас нет даже гарантии, что Андрей на месте окажется. У него ведь несколько магазинов, и он может находиться в любом из них.

– Все равно – едем! – решительно скомандовала она. – Раз уж обещал – делай. Нечего на скидки надеяться.

В процессе расследования дела Андрея Самойлова, владельца сети ювелирных магазинов «Бирюза», Гурову несколько раз пришлось побывать в этих торговых точках, и он хорошо запомнил их адреса. Сейчас он решил ехать в самый крупный из магазинов, где был наиболее разнообразный ассортимент.

Войдя в блистающий драгоценностями зал, Мария устремила к витринам. Казалось, она уже забыла, что хотела выбрать только цепочку. Восхищенным взором осматривая изысканные украшения с сапфирами и бирюзой, перстни с бриллиантами и гарнитуры, стоимостью под миллион, она бескорыстно наслаждалась красотой, не думая о том, что все это ей не по карману.

Гуров скучал.

Едва удерживаясь от зевоты, он прохаживался по залу, почти не глядя на роскошь витрин. Наконец, увидев в одной из них цепи всех мастей и сортов, остановился и стал лениво, почти без интереса, рассматривать.

За этим занятием полковник не заметил, как открылась дверь, ведущая во внутренние помещения магазина, и из нее вышел высокий, солидный мужчина.

– Лев Иванович! – удивленно воскликнул он. – Вот так встреча! Надеюсь, в этот раз повод приятный? Кажется, грядет наш любимый праздник.

– Здравствуй, Андрей, рад тебя видеть, – приветливо улыбнулся Гуров. – Да, сегодня я не по делу. Супруге обещал подарить какую-нибудь безделушку. Решили заехать к тебе по старой памяти.

– И правильно сделали. Я к Женскому дню всегда ассортимент обновляю. Святое дело.

– Да, дамы для тебя, наверное, что называется, целевой сегмент.

– Пожалуй. Хотя и среди нашего брата покупателей хватает. Такие попадаютса франты, любой женщине сто очков вперед дадут. Особенно по части капризов.

Пока шел «мужской разговор», Мария активно обсуждала с девушкой-продавцом преимущества цепей разных видов.

– Я выбрала! – услышал наконец Лев вожденную фразу и вполголоса пробормотал: – Какое счастье...

Самойлов понимающе улыбнулся:

– Ничего, в женский праздник можно и потерпеть. Святое дело.

Стопроцентную скидку им не сделали, но, по указанию Самойлова, обозначенная на этикетке цена была уменьшена вполвину.

– Меня в превышении полномочий обвинят, – пытался возразить Гуров. – Скажут, что взятки беру в завуалированном виде.

– А за что? – делал удивленное лицо Самойлов. – У нас ведь сейчас «общих дел» нет. Так что взятки, как говорится, гладки.

По дороге домой Мария делила свои восторги между цепочкой и Самойловым.

– Отличный парень, – сказала она. – Хорошо, что ты защитил его от наезда. И вот тут вот, видишь – вставка из белого золота. От этого получается дополнительный блеск, и при движении она так и играет лучиками. Просто чудо!

– Рад, что тебе понравилось, – ответил Лев, и впрямь очень довольный, что угодил.

На следующий день, поглощенный обычными рабочими проблемами, он и не вспоминал про вчерашний поход в «Бирюзу». Но около двенадцати дня ему неожиданно позвонил Самойлов.

– Здравствуй, Андрей. Что, уже пожалел о скидке? – пошутил Гуров. – Сейчас подъеду, доплачу остаток.

– Ладно тебе, Лев, позорить меня. За что обижаешь?

– Уж и пошутить нельзя. Обидчивый. Что стряслось? Выкладывай, – сразу стал серьезным полковник, зная, что по пустякам тот звонить не будет. Если позвонил, значит, есть веская причина.

– Знакомый мой хочет с тобой встретиться, – как-то неуверенно проговорил Самойлов. – Говорит, есть важный разговор.

– О чем?

– Не знаю я, Лев. В том-то и дело... Не говорит он. Да и ведет себя как-то странно. Вообще, мужик солидный, да и в годах уже. Шульц, ювелир. Хотя, ты, наверное, его не знаешь.

– Да, контингент не мой. Если он не сидел, точно не знаю.

– Да нет, что ты! Честнейший и порядочнейший человек. Даром, что ювелир. Старой еще школы, сейчас такие почти все вымерли. Я с ним сотрудничаю периодически по своим делам. У него опыт огромный, и глаз – алмаз. А сегодня пришел ко мне, сам не свой, спрашивает, не осталось ли у меня связей в полиции. Ну, после того дела...

– Да, я понял. Он сейчас у тебя?

– Нет, ушел. Видимо, разговору мешать не хотел. Деликатничает. Я, конечно, сразу про тебя подумал, тем более что вы вчера заходили. Сказал ему, что могу попробовать кого-нибудь найти. И спрашиваю – для чего, мол, нужно? Какая причина? А он – молчок. Это, говорит, дело странное, я в нем сам еще не разобрался. Может, говорит, там и нет ничего особенного. Поэтому, мол, и хочет он с кем-то опытным проконсультироваться. Я ему, конечно, пообещал, но... Не знаю. Слишком все неопределенно, так что смотри сам. Я обещание свое выполнил, просьбу его тебе передал. А уж ты – решай. Если захочешь встретиться – дам его телефон, созвонитесь, договоритесь. Если нет – вольному воля. На «нет» и суда нет.

– Он больше ничего не сказал? Только эту невнятицу?

– Да, только это. Я тебе, можно сказать, дословно наш разговор процитировал. Больше ничего там не было. Поэтому и говорю – сомнительно. Но, с другой стороны, – мужик вроде нормальный, солидный, не институтка истеричная. Что его могло так разволновать? Не знаю. Может, и правда там что-то серьезное.

– Ладно, давай телефон. Будет минутка – свяжусь с ним. Как, ты говоришь, его зовут? Шульц?

– Да. Шульц Аркадий Яковлевич. Ювелир.

Гуров записал телефон ювелира и, еще раз пообещав, что позвонит ему при первой же возможности, попрощался с Самойловым.

Возможность такая появилась у полковника только к трем часам дня. В стадии завершения находилось очередное сложное расследование, и, разрываясь между СИЗО и кабинетом, он даже забыл пообедать.

В очередной раз подъезжая к Управлению, Лев притормозил возле ларька с шаурмой и теперь, сидя за своим рабочим столом, старательно отводил подальше руку с ароматной снедью. Ему совсем не хотелось, чтобы на важных бумагах появилось пятно от кетчупа или еще какое-нибудь «художественное» дополнение.

Чувствуя приятную сытость и умиротворение после шаурмы, он вальяжно развалился в кресле и тут вспомнил об обещании, данном Самойлову.

Отыскав в блокноте записанный номер, достал трубку, набрал нужные цифры и, когда на том конце ответили, вежливо произнес:

– Добрый день, мне нужен Аркадий Яковлевич Шульц. Могу я услышать его?

– Да... это я, – донесся из трубки приглушенный, испуганный голос.

– Очень приятно. Меня зовут Лев Гуров. Лев Иванович Гуров. Оперуполномоченный по особо важным делам. Мне ваш номер дал Андрей Самойлов, хозяин ювелирной сети «Бирюза». Он сказал, что вы хотели о чем-то поговорить. Это так?

– Да я... я хотел, – вновь очень неуверенно зазвучал голос. – А вы правда из полиции?

– Правда. Можете позвонить Андрею, он подтвердит.

– Нет... нет, зачем же, я верю. Просто... просто дело такое странное. Я даже не знаю... Впрочем, хорошо. Пускай. Раз уж... Когда мы можем встретиться с вами?

– Сегодня у меня очень загруженный день, освобожусь, наверное, только часам к восьми. Устроит вас это время?

– Да, вполне. Я в Сокольниках живу, недалеко от парка. Там есть кафе «Бригантина», вы легко найдете. Очень всегда удобное место для разговора, в кафе спокойно, да и публика приличная. В восемь я буду ждать вас там. Так вам удобно?

– Вполне. Только, если немного опоздаю, не обессудьте. Работа...

– Нет-нет, ничего страшного. Я подожду.

Разговор с Шульцем произвел на полковника впечатление, в целом, положительное.

«Похоже, мужик вполне адекватный, Андрей не соврал, – думал он, закрывая блокнот и пряча в карман трубку. – Только напуган чем-то. Интересно, чем?»

Рабочий день, как обычно, напряженный и хлопотный, продолжился, и Гуров действительно смог освободиться только в восьмом часу.

Проявив чудеса экстремального вождения, он прибыл в кафе «Бригантина» на целых десять минут раньше оговоренного срока и, очень довольный собой, вошел в зал.

Слова Шульца оправдались, заведение и впрямь было вполне приличным. Играла негромкая музыка, на огромной плазме, занимавшей полстены, сменяли друг друга приятные природные пейзажи, за столиками сидели солидные посетители.

Но, обводя их взглядом, Лев так и не смог ответить себе на вопрос, кто из присутствующих здесь мог бы оказаться пожилым ювелиром. Большинство составляли пары, а из двоих мужчин, пивших ароматный кофе в одиночестве, ни один не подходил по возрасту.

Решив, что в своем стремлении не опоздать немного перестарался, он тоже заказал себе кофе и устроился за столиком прямо напротив плазмы. Умиротворяющие пейзажи хорошо действовали на психику после напряженного дня.

Время шло, а Гуров так и продолжал сидеть в одиночестве. Никто из посетителей не подходил к нему, чтобы узнать, не он ли тот самый оперуполномоченный по особо важным делам, которому недавно была назначена здесь встреча, никто не входил в кафе с поспешностью и виноватым видом опоздавшего.

В пять минут девятого Лев решил позвонить Шульцу.

«Может, в последний момент снова чего-то испугался», – думал он, слушая гудки в трубке. Слушая долго, но кроме гудков так ничего и не услышал.

Он звонил Шульцу еще два раза, в четверть и двадцать минут девятого, но результат был аналогичным. В досаде и недоумении он расплатился за кофе и поехал домой, решив перезвонить ювелиру утром и, если тот снова не ответит, связаться с Самойловым.

Однако очередной рабочий день был вновь до предела загружен, и о своем намерении Гуров вспомнил только к обеду. Едва лишь он взял трубку, чтобы позвонить Шульцу, как загорелся экран, и раздались мелодичные переливы, сообщающие, что кто-то звонит ему самому.

Высветился номер Орлова.

– Лев Иванович, ты сейчас на месте? – спросил генерал.

– Да, в кабинете.

– Отлично. Зайди ко мне, пожалуйста.

Гуров догадывался, что в разгар рабочего дня Орлов навряд ли вызывает его, чтобы поговорить о погоде. Но сейчас он параллельно вел сразу три сложных дела, и сама мысль о том, что заботливый начальник приготовил для него четвертое, вызвала справедливое негодование.

Поэтому, едва войдя в кабинет, Лев решительно проговорил:

– Петр, если ты хочешь снова повесить на меня какую-нибудь «дополнительную нагрузку», то я...

– Да погоди ты, не кипятись, – улыбнувшись, прервал его Орлов. – Сядь, успокойся. Никакой особенной нагрузки не будет. Просто нужно разрешить небольшое недоразумение. В нем замешаны иностранные граждане, поэтому все пришлось сделать по-взрослому – официальное заявление, официальная реакция. И официальное дознание, соответственно. Официальное и чисто формальное. Они заявили – мы отреагировали. Больше там ничего не требуется.

– Точно?

– Точно. Дело пустяковое, смешное даже. С аукциона кто-то стекляшки спер. Поддельные камни.

– Поддельные камни? Подделанные под драгоценные, ты имеешь в виду?

– Да. Типа – бриллианты.

– Занятно. Как же они попали на аукцион? Что, таким товаром там теперь тоже торгуют? Настоящих на всех уже не хватает?

– Да нет, дело не в этом. Торговать ими никто не собирался. Подделку специально заказал для себя владелец, тот, у кого настоящая коллекция. Три бриллианта, в каждой целая уйма карат, и каждый тянет на чемодан «зеленых». Да и вообще вся эта коллекция какая-то очень уж древняя и знаменитая. Я в этом не разбираюсь, к счастью, это ты с аукционщиками поговоришь. Для нас здесь важно одно – вместе с настоящими владельцем всегда возил поддельные бриллианты, и их у него украли.

– Куда возил?

– Повсюду. Я ведь сказал – коллекция знаменитая. Он с ней и на выставках международных бывал, и в музеях демонстрировал. Сдавал, так сказать, в «аренду». И видимо, в связи с этими постоянными передвижениями, решил подстраховаться. «Бирюльки» стоят целое состояние, конечно, товарищу коллекционеру не хотелось, чтобы они достались каким-нибудь незаконопослушным гражданам. Вот он и решил заказать копии, чтобы в сомнительных случаях подкладывать их вместо настоящих. Если, например, охрана ему покажется ненадежной или сигнализация не устроит.

– Ловко. И что – сходило с рук? Не прогоняли его с выставок за то, что он подделки выставляет?

– Зачем прогонять? Это ведь все по взаимной договоренности делается. Какое-то время в витрине настоящие камни находятся, а какое-то – не совсем настоящие. Поскольку периодичность этой замены для большинства была секретом, то и спланировать ограбление было бы не так просто. А учитывая, что время самих выставок тоже не такое уж продолжительное, коллекционер получал практически стопроцентную гарантию, что на сокровища его никто не покусится. А если и покусится, то уйдет ни с чем.

– Вот оно как. А на вид, значит, определить невозможно – настоящие в витрине камни или подделка.

– В данном конкретном случае, видимо, нет. Как я понял, копии были сделаны очень качественные, отличить их могли только специалисты, да и то при наличии соответствующего оборудования. А большинство посетителей подобных выставок, как сам понимаешь, таковыми не являются.

– Не иначе, подделки украли кто-то из них, – усмехнулся Гуров. – Обиделся, что его все время «нахлобучивают», да и решил наказать обманщиков.

– В том-то и дело, что нет. На момент кражи в этом уже не было никакого смысла, поскольку владелец собрался продавать коллекцию.

– Владелец – это, я так понимаю, тот самый «иностранный гражданин»?

– Да. Ганс Литке, житель дружественной нам Германии. Он решил продать коллекцию и, по-видимому, о своем решении оповестил кого надо. Сфера эта, как сам понимаешь, закрытая, по каким каналам они там между собой общаются, это мне неизвестно. Но факт в том, что вскоре после этого оповещения определились вероятные покупатели, и самым вероятным из них оказался наш соотечественник.

– Какой-нибудь «владелец заводов, газет, пароходов»? – вновь усмехнулся Гуров.

– В этом роде. Некто Геннадий Комаров. Сырьевой бизнес, доли в нескольких предприятиях, Красноярск, Тюмень. В общем, не бедствует.

– Неужели нефтяник?

– Скорее, «металлист».

– Что ж, тоже неплохо.

– Согласен. Так вот, этот Комаров – личность разносторонняя, вкладывается не только в алюминиевые заводы. У него, если я правильно понял, довольно солидная коллекция картин, причем солидная не в смысле количества, а в смысле ценности экземпляров.

– Не много, но со вкусом?

– Именно так. А в последнее время этот товарищ обратил внимание на рынок драгоценных камней. Меня тут проконсультировали, оказывается, в 2008 году, когда цены упали буквально на все, бриллианты, как ни странно, наоборот, подорожали. Вот он и заприметил этот перспективный актив.

– Понятно. Не выгорит с заводами, так хоть «брюлики» продать, ребятишкам на молочишко.

– Верно мыслишь. Этот Ганс и сам, кстати, по такому же поводу продает. Обстоятельства хочет поправить. А поскольку наиболее вероятным оказался покупатель из России, именно у нас он и решил в последний раз показать коллекцию на выставке. Выставка проходила в Питере, а аукцион по продаже камней должен состояться в Москве. И состоится, конечно. Ведь настоящие-то бриллианты на месте. Но вот этот досадный случай, как сам понимаешь, очень подпортил иностранному гостю впечатление. Кому понадобилось красть ничего не стоящие стекляшки? Зачем? Нонсенс, нелепость. Однако ж осадочек, видимо, остался.

– Наверное, остался, если уж решил заявление подать.

– Насчет заявления, это, как я понял, больше организаторы старались. Вроде как у них пятно на репутации, вот они и подсустились. Проконсультировали этого Ганса, как и что писать, посоветовали, к кому обратиться.

– А кто у нас организатор?

– Некий антикварно-аукционный дом «Diamond». Проводят аукционы, выставки, оценку, работают с коллекционерами и разными эксклюзивными вещами, которые те коллекционируют. Спектр у них довольно широкий. Так вот, аукцион по продаже этих бриллиантов должен состояться на их площадке. Вчера Литке вместе со своей коллекцией прилетел из Петербурга, и вчера же состоялась экспертиза и предварительная оценка камней.

– На площадке этого аукционного дома?

– Да, у них. Бриллианты хранятся тоже у них и сегодня, если я правильно понял, должны быть выставлены для просмотра. На аукционах такие правила – до начала торгов участники имеют право ознакомиться с лотами и убедиться, что все в наличии и все – подлинное.

– А сам аукцион на какой день запланирован?

– На одиннадцатое.

– То есть на завтра?

– Да. А чего тянуть? Покупатели известны, товар готов. Вот уж и приворовывать потихоньку начали. Еще денек-другой, глядишь, и нечего продавать будет.

– Как же они хранят их, эти бриллианты, если их так легко увести?

– Бриллианты они хранят надежно, за это ты не волнуйся. Мы с тобой сейчас говорим не о бриллиантах, украденных из неубиваемого сейфа, а о копиях, странным образом пропавших из барсетки коллекционера.

– А, вот оно что! То есть эти стекляшки он хранил отдельно, не так, как настоящие камни? Не предпринимал специальных мер предосторожности?

– Как он их хранил, мне неизвестно, но в «Diamond» принес просто в сумочке. Я так понял, они сразу из аэропорта туда отправились, даже не заходя в гостиницу. Но это нужно будет уточнить.

– Получается, в Питере настоящие и поддельные камни были на месте, а по прибытии в Москву подделки пропали? Так развивались события?

– Да, именно так.

– А при перевозке их не могли стащить?

– Нет. Литке в ходе экспертизы доставал их и демонстрировал присутствующим. Для сравнения, наверное.

– Понятно. То есть кража произошла уже после того.

– Видимо, да. Интересно только, зачем. В общем, я уже сказал, история двусмысленная и странная. Больше напоминает анекдот. Но поскольку с обеих сторон участвуют солидные люди, дознание, хотя бы формальное, должно быть проведено. Хотя, скажу тебе по секрету, этот Ганс, похоже, и не особо в претензии. Настоящие камни на месте, и завтра он получит за них кругленькую сумму. Какая ему разница, что теперь станет с этими подделками? Ему-то они уже точно не пригодятся.

– Логично. Тогда получается, что самые главные активисты в этой истории – организаторы?

– Похоже на то. Очень уж они за свою репутацию переживают. Я так понял, главное для них даже не то, чтобы вора нашли, а чтобы доказали, что сами они к этому никак не причастны. Сфера эта специфическая, я уже говорил. «Бабки» крутятся огромные, а игроков мало. Чуть что не так, тебя сразу перестанут воспринимать серьезно. А уж желающие занять теплое местечко найдутся.

– Ясно. Значит, наша цель – провести формальное дознание и установить, что антикварно-аукционный дом «Diamond» к краже подделок не причастен. Самого вора искать не обязательно.

– Ну, ты совсем-то уж не расслабляйся, – недовольно нахмурился Орлов. – У нас тоже своя репутация есть, и портить ее незачем. Я тебя просто в ситуации ориентирую. Завтра бриллианты продадут, Ганс этот, довольный, уедет на родину, и, в сущности, дело потеряет актуальность. Но сейчас этот случай – самая горячая новость. Поэтому я и привлек для расследования одного из наших самых опытных специалистов.

– Крячко, между прочим, тоже очень опытный, – проворчал Гуров. – К тому же он вчера целых два дела закрыл. А у меня и своего сейчас – выше крыши, да эти твои антиквары еще. Почему бы Стасу ими не заняться?

– У Стаса уже есть чем заняться. – Безапелляционный тон начальника ясно показывал, что решение он не изменит. – Те дела он закрыл, зато у него теперь в работе убийство, которое одно этих двух стоит. Деда какого-то завалили из снайперской винтовки. Кому бы он нужен был? А вот, видишь, как вышло. Профессионального киллера кто-то нанял, дорогое оружие приобрел, и все для того, чтобы с безобидным пенсионером разделаться. Вот Стас твой и ломает сейчас голову. Так что бери телефон, созванивайся, договаривайся, да и приступай, благословясь.

– И кто же мне ответит по этому номеру? – спросил Гуров, глядя на листок из блокнота, который протянул ему генерал.

– Павел Шурыгин, секретарь аукциона. Он в курсе всех организационных вопросов, он присутствовал вчера на экспертизе, и он же активнее всех общался с нами относительно заявления господина Литке. Так что, первым делом, думаю, тебе нужно поговорить с ним. А дальше сориентируешься. Действуй.

Тяжко вздохнув, Лев взял листок и вышел из кабинета. Порученное ему дело действительно выглядело анекдотично, и на это «формальное дознание» жаль было тратить время, которого и без того постоянно не хватало.

Медленно проходя по коридору, он набрал номер и представился.

– А, вы по поводу исчезновения копий? – радостно зазвучал голос в трубке. – Приятно, что полиция отреагировала так оперативно. На первый взгляд проблема может показаться незначительной, но здесь затрагивается репутация дома «Diamond», поэтому мы не можем оставить без внимания этот случай. Кроме того, наш клиент – гражданин иностранного государства.

– Да, мне сообщили.

– Что ж, тогда, думаю, вы и сами понимаете всю важность этого расследования. В деле не должно остаться ни малейшей неопределенности. Кто станет сотрудничать с нами, с нашим бизнесом, с нашей страной, если мы будем закрывать глаза на подобные недоразумения? Возможно, случай сам по себе и не такой уж вопиющий, но лиха беда начало. Сегодня мы не обратим внимание на чудака, присвоившего поддельные камни, а завтра...

– Да, действительно, – прервал Гуров, совершенно не склонный сейчас выслушивать бесконечные разглагольствования. – Думаю, нам нужно обсудить это более обстоятельно. Мы можем встретиться с вами?

– Разумеется. Правда, я освобожусь только вечером, но если вы сами сможете подъехать к нам, встреча состоится в любое удобное для вас время. Сегодня у нас демонстрационный день, мы знакомим с коллекцией будущих покупателей. Так что я на работе неотлучно.

– Речь о той самой коллекции, дубликаты которой украдены?

– Да, о ней. Три великолепных бриллианта, богатая история... Впрочем, думаю, нам лучше поговорить об этом при встрече. Так вы сможете подъехать, или перенесем разговор на вечер?

– Я подъеду, говорите адрес.

– Мы в самом центре, на Пречистенке. Не перепутаете. Антикварно-аукционный дом «Diamond». Наш фасад виден издалека.

Убеждая Гурова, что найти аукционный дом ему будет несложно, Павел Шурыгин не врал. Роскошное, переделанное из старинного особняка здание пропустить было невозможно.

На входе полковника, как и полагается в солидных заведениях, встретила охрана. Его вежливо попросили предъявить пропуск, и Гуров достал удостоверение:

– Этот сгодится?

Взглянув на «корочки», один из охранников отошел в сторонку и достал телефонную трубку. Сосредоточенно глядя на носки своих ботинок, он несколько минут с кем-то консультировался, потом вернулся на боевой пост и сказал Гурову:

– Сейчас к вам выйдут.

Через несколько минут одна из дверей, ведущих в просторный вестибюль, действительно открылась, и из нее вышел высокий молодой мужчина в безупречном костюме.

– Добрый день, – заученно-приветливо улыбнулся он. – Это вы из полиции?

– Да, я.

– Проходите пожалуйста.

Мужчина бросил выразительный взгляд на охранников, и горящая красным стрелочка возле турникета тут же позеленела.

– Простите за эти небольшие неудобства, – продолжал мужчина. – Но мы должны соблюдать дисциплину. Клиенты доверяют нам немалые ценности, мы не можем относиться легкомысленно к этому доверию. Я – Павел. Павел Шурыгин, секретарь аукциона. Большинство организационных вопросов решается при моем участии, так что, думаю, я смогу дать вам исчерпывающую информацию о происшедшем. Если будет необходимо побеседовать еще с кем-то из участников аукциона, постараюсь помочь вам связаться с ними.

– Отлично, – резюмировал Гуров, очень довольный этой четкостью в постановке задач и деловитостью. – Где мы можем поговорить?

– Где?.. – Шурыгин думал не больше секунды. – Можно в аукционном зале. Там сейчас никого нет, и, кроме того, он находится по соседству с шоу-румом, так что в случае необходимости я смогу поработать, так сказать, на два фронта. – Шурыгин улыбнулся и добавил: – Надеюсь, вы извините мою непродолжительную отлучку, если кому-то понадобится консультация. Все-таки, клиенты – те люди, для которых мы существуем...

– Да, разумеется. Никаких проблем.

Гуров вслед за Шурыгиным пересек вестибюль, потом прошел небольшим коридором и вскоре оказался в помещении, где, по-видимому, и находилась та самая шоу-рум. В ней тоже дежурил охранник.

Комната была оформлена стильно и лаконично. Приглушенный синий тон стен, минимум мебели и хорошо продуманное освещение сразу сосредотачивали внимание вошедшего на ее центральной части. Там находилось возвышение, где сейчас располагались три куба разной высоты. Каждый куб представлял собой мини-витрину для демонстрации одного из бриллиантов.

Вся композиция, драпированная синим бархатом и грамотно освещенная, напоминала сказочный Сезам.

– Не хотите взглянуть? – обратился к Гурову секретарь. – Уверен, вы не сможете оторвать глаз. Камни великолепны. Думаю, человека, который остался бы равнодушным к подобному зрелищу, просто не существует в природе.

Однако сам Лев думал иначе. Он считал тягу к украшениям привилегией дам и никогда не испытывал интереса к подобным вещам.

Исключительно из вежливости, чтобы не обидеть собеседника, и впрямь искренне восхищавшимся своим очередным лотом, Гуров подошел к витрине и бросил взгляд на содержимое коробов.

Сквозь верхние стеклянные грани, единственные из всех, которые были прозрачны, он вначале разглядел лишь три пучка блистающих лучей, находившихся в центре каждого ящичка, а лишь присмотревшись, увидел сами камни, создававшие эту волшебную светомузыку. Чистейшей воды, прозрачные почти как воздух, они, казалось, и сами состояли лишь из едва заметных световых лучей.

Понимая, что разгадка волшебной тайны кроется в определенных хитростях освещения, Гуров все же не мог не восхититься.

– Ну как? Что скажете? – Шурыгин явно был доволен эффектом, и глаза его сейчас блистали не хуже расположенных в витринах камней.

– Что тут сказать? – улыбнулся Лев. – Великолепно! Просто великолепно! Неужели и копии выглядели так же? Мне говорили, что внешне их практически нельзя было отличить от настоящих.

– Ну что вы! – При упоминании о подделках на лице секретаря отразилось пренебрежение. – Конечно, если их положить рядом на стол в обычной комнате с обычным освещением, непрофессионалу, разумеется, трудно будет догадаться, где поддельные камни, а где настоящие. Но неужели вы думаете, что обычные стекляшки могли бы произвести... нечто подобное? – И он сделал выразительный жест, указывая на блистающие витрины. – Каждая грань настоящего бриллианта концентрирует мириады лучей, это салют, фейерверк, симфония! Симфония в камне! Можно ли от обыкновенного стекла, пусть даже и гениально обработанного, получить такое? Что вы!

«Хорошо, что Маши здесь нет, – слушая эти поэтические дифирамбы, подумал Гуров. – Камешки ей точно бы приглянулись, а такую покупку мне в жизни не оплатить. Даже с пятидесятипроцентной скидкой. Никакой Самойлов не поможет».

– Что ж, теперь понятно, почему мне сказали, что эти камни стоят целое состояние.

– О да, – солидно кивнул Шурыгин. – По товару и цена. Но в данном случае оценивается не только материальная, так сказать, часть. Коллекция имеет насыщенную предысторию. Знаете, почему в ней именно три камня, и почему они всегда продаются вместе?

– Боюсь, что нет.

– Все они – части одного целого. Пройдемте, я с удовольствием расскажу вам эту историю.

Шурыгин указал на солидную дубовую дверь, ведущую в соседнее помещение, и, пройдя следом за ним, Гуров оказался в аукционном зале. Здесь находилась небольшая сцена с кафедрой для аукциониста и несколько рядов кресел.

– Присаживайтесь, – гостеприимно пригласил секретарь. – Итак – предыстория наших бриллиантов. В начале девятнадцатого века в России был найден уникальный алмаз весом около 80 карат. Его выкупил московский купец Василий Мижухев. После огранки было изготовлено три бриллианта – по числу сыновей Мижухева. Купец назвал коллекцию «Фамилия» и отписал в наследство сыновьям, по камню каждому. Но во время революции купца расстреляли, а камни реквизировали. Коллекция несколько раз перепродавалась, пока не осела у частного владельца за рубежом. С этими перепродажами тоже связано множество драматических фактов, но не буду тратить ваше время. Итог таков, что последним владельцем коллекции оказался господин Литке, и сейчас он готов продать ее.

– Если я правильно понял – кому-то из наших соотечественников?

– Да, вы совершенно правы, – торжественно подтвердил Шурыгин с таким гордым видом, будто сам покупал эти камни. – После долгих странствий по свету, «Фамилия» вновь возвращается на родину. Согласитесь, есть в этом что-то символическое.

– Да, все возвращается на круги своя, – философски заметил Лев.

– Именно! И можем ли мы допустить, чтобы такой торжественный момент был омрачен глупым недоразумением?

Эти слова напомнили Гурову об основной цели его визита, и он приступил к расспросам.

– Претендент на покупку камня только один?

– Почему же? Аукцион – это соревнование. Соревнование между покупателями. Если покупатель будет только один, затея просто лишается смысла.

– А как вообще определяются участники? Если я правильно понял, работа здесь ведется индивидуально?

– Вообще-то это закрытая информация, – со всей возможной любезностью улыбнулся Шурыгин. – Мы не можем афишировать свои каналы, думаю, вы и сами понимаете это. Изначально информация о желании продать коллекцию поступила от самого господина Литке, мы помогли ему подыскать наиболее вероятных покупателей на нее.

– И самым вероятным оказался наш соотечественник?

– Да, господин Комаров изъявил такое желание, – солидно проговорил Шурыгин, уже поняв, что ключевые фамилии Гурову известны. – Думаю, в этом есть и заслуга нашего дома. Хорошо зная предысторию коллекции, мы предприняли максимум усилий, чтобы этот выдающийся раритет вернулся на родину.

– А кто еще кроме него участвует в торгах?

– Один петербургский музей и еще две фирмы, занимающиеся производством ювелирных изделий. «Бижу» из Санкт-Петербурга и московская «Ювелир-мастер». Перед тем как приступить к торгам, мы организовали показ коллекции на выставке, именно с той целью, чтобы заинтересовать потенциальных покупателей.

– Выставка проходила в Петербурге?

– Да. Международный салон, все сложилось очень удачно. Совпало по времени. И намерение господина Литке продать коллекцию, и эта выставка. Заинтересовались очень многие, но, с учетом стоимости и, так сказать, значимости раритетов именно для России, мы, конечно, отдавали предпочтение отечественным фирмам.

– Вы сейчас упомянули о стоимости. Неужели петербургские музейщики так богаты, что могут позволить себе приобрести подобную роскошь?

– Их источников я не знаю, – тонко улыбнулся Шурыгин. – Но стартовая цена ни для кого не была секретом, и, несомненно, они полностью в курсе того, что им предстоит. Так же, как и другие участники. Если они идут на это, значит, определенные резервы имеются. Возможно, здесь участвуют спонсоры или благотворители. Помощь культурным учреждениям хорошо влияет на имидж, а музей – это то место, где хранятся осязаемые свидетельства национальной истории. Возможно, кому-то захотелось увековечить свое имя как мецената.

– Но больше всего шансов все-таки у господина Комарова? – уточнил Гуров.

– Да, по нашим оценкам, он наиболее вероятный претендент.

– Когда камни привезли в Москву?

– Вчера утром. Здесь, кстати, тоже большая заслуга Геннадия Евгеньевича. Для того чтобы обеспечить безопасность и конфиденциальность этой важной транспортировки, он даже предоставил свой личный самолет.

– Вот как?

– Да. Господин Литке, представители нашей фирмы, охрана и сам господин Комаров с полным комфортом совершили перелет и без промедления прибыли сюда, под наше надежное крылышко.

– Они приехали в фирму прямо из аэропорта?

– Да, конечно. Учитывая стоимость их груза, все были заинтересованы в том, чтобы он как можно скорее прибыл на место.

– Вы не можете сказать, во сколько приблизительно эта «делегация» достигла пункта назначения?

– Могу, и даже довольно точно. Мы встретили их здесь около девяти часов утра, как и было запланировано заранее.

– Понятно. Если можно, отсюда, пожалуйста, поподробнее. Как дальше развивались события?

– Мы прошли в помещение, где у нас обычно производится оценка, и там независимые эксперты оценили, а точнее, еще раз подтвердили качественные характеристики и подлинность бриллиантов. Опытные ювелиры-геммологи были приглашены заранее и уже ожидали наших гостей.

– Вы тоже присутствовали при оценке?

– Да, конечно. И я, и владелец, и наши гости. Отпустили только охрану, поскольку здесь, как сами понимаете, в ней уже не было необходимости.

– Что было после экспертизы?

– Потом мы прошли в шоу-рум – это комната, где мы только что были с вами – и стали обсуждать, как лучше расположить камни. Господин Литке был очень доволен, много шутил и в какой-то момент предложил сравнить настоящие камни с дубликатами, которые он специально заказывал из соображений предосторожности.

– Вы тоже планировали при демонстрации производить замену?

– Ну что вы! В данном случае это невозможно. Демонстрация для того и производится, чтобы клиенты смогли убедиться в подлинности выставляемых лотов. Можем ли мы так играть на чужом доверии? Что вы! Если бы мы занимались подобными вещами, дом давно прекратил бы свое существование. Со стороны господина Литке это была просто шутка.

– Дубликаты он хранил отдельно от настоящих камней?

– Да. Для коллекции он заказал специальный чемоданчик с кодовыми замками, где камни находились при транспортировке и хранении. А копии у него лежали просто в барсетке. Чтобы продемонстрировать их нам, он достал мягкий чехол – бархат или замша, я, честно говоря, не присматривался – в нем было три отделения. Господин Литке расстегнул молнию и из каждого отделения вытащил камень, действительно очень похожий на своего «двойника». Мы посмотрели, подивились, и он снова спрятал копии в чехол. Вот, собственно, и все, что произошло. Больше эти стекляшки никто не видел.

– Они действительно так похожи на настоящие?

– О да. Над этими произведениями, похоже, трудился виртуоз. Но я уже говорил вам, как бы ни были камни похожи внешне, они никогда не смогут создать подобных эффектов при освещении. Я имею в виду – подобных тем, что вы видели в соседней комнате. Обычное стекло никогда не сможет так сверкать, и все тайное сразу станет явным.

– Но если не пытаться достичь световых «спецэффектов», перепутать камни все же довольно легко, особенно неспециалисту. Я правильно понял?

– В общем, да. Я ведь уже говорил, если камни просто положить рядом на стол, отличить их практически невозможно. Но на то и существуют эксперты.

– Кстати, об экспертах. Они тоже присутствовали в это время в шоу-рум?

– Да, разумеется. Их консультации бывают весьма полезны в таких случаях. Кто, как не профессиональный геммолог, сможет подсказать, как лучше продемонстрировать достоинства камня.

– Я бы хотел записать их фамилии и координаты, если можно.

– Нет проблем. Хотя не думаю, что их стоит включать в список подозреваемых. – На выразительном лице Шурыгина читалось неприкрытое пренебрежение. – Репутация этих людей такова, что...

– Прежде чем включать кого-то в список подозреваемых, я должен всех опросить, – перебил его Лев. – Всех, кто в тот момент присутствовал в комнате. Независимо от репутации.

– Да, конечно, – сразу изменил тон Шурыгин. – Приношу извинения. Вам, разумеется, лучше знать, как делать свою работу. Для оценки камней мы пригласили трех экспертов-геммологов, профессионалов с безупречной репутацией, уже очень давно работающих в этой сфере. Дом «Diamond» также неоднократно сотрудничал с ними. Это Дмитрий Абрамович Краснов, Федор Трофимович Шаповалов и Аркадий Яковлевич Шульц.

Под диктовку секретаря Гуров записывал в блокнот фамилии, но когда прозвучала последняя, невольно остановился.

– Шульц? – удивленно переспросил он. – Шульц был у вас консультантом?

– Да, – в свою очередь недоумевающе посмотрел на него секретарь. – А что вас так удивило? Аркадий Яковлевич – опытейший специалист с безупречной репутацией, один из старейших экспертов Москвы. Мы довольно часто обращаемся к нему, и у нас ни разу не было повода разочароваться в этом сотрудничестве. А что, вы знакомы с ним?

– Нет, но... Впрочем, это сейчас не важно. Значит, Шульц был здесь вчера?

– Да, вместе со всеми.

– До какого времени?

– Наши гости, как я уже сказал, приехали в девять, оценка и переговоры заняли чуть больше часа, таким образом, все закончилось в одиннадцатом часу. Да, около половины одиннадцатого мы уже начали готовить шоу-рум для показа, оформлять витрину, так что в это время здесь уже не было никого, кроме наших сотрудников.

– Значит, в половине одиннадцатого...

Гуров вспомнил, что Самойлов позвонил ему около двенадцати часов и сказал, что Шульц уже ушел. Из этого можно было сделать вывод, что ювелир направился к бизнесмену сразу после «совещания» в аукционном доме.

«Не здесь ли кроется причина того, что его так взволновало? Может, он и стащил эти стекляшки? Но для чего? Черт его знает... просто бред какой-то!»

Лев вспомнил, что хотел сегодня еще раз позвонить Шульцу, но сейчас делать это было неудобно, и звонок снова пришлось отложить.

Тем временем Шурыгин достал телефонную трубку и прилежно отыскивал в списке контактов номера ювелиров.

Записав эти данные в блокнот, полковник продолжил расспросы.

Глава 2

– Кто еще, кроме экспертов и владельца коллекции, находился в комнате? – спросил Гуров.

– Довольно много людей, – ответил Шурыгин. – Честно говоря, было даже немножко тесновато. Присутствовал переводчик, ведь господин Литке не говорит по-русски. Кроме того, учитывая статус гостей, их сопровождал наш директор.

– И вы, если я правильно понял?

– Да, и я тоже. Присутствовал также господин Комаров, ведь не могли же мы указать ему на дверь, после того как он столь любезно обеспечил доставку камней. К тому же он – один из потенциальных покупателей, так что его присутствие при оценке было вполне логичным.

– То есть всего в комнате находилось восемь человек?

– Да, наверное. Честно говоря, я не считал.

– Теперь я попрошу вас сосредоточиться, – продолжал Гуров, – и припомнить как можно подробнее тот период, когда господин Литке достал из барсетки чехол с копиями. Где он находился в этот момент?

– Он стоял в центре комнаты, у будущей витрины. На тот момент там находилось только основание, и мы обсуждали, как лучше разместить сами камни.

– Сумочку, в которой был чехол, коллекционер держал в руках?

– Вначале да. Он пристроил ее на краю нашего постамента, но когда достал камни, держать барсетку было уже неудобно, поэтому он переставил ее на столик возле стены. Если вы обратили внимание, там возле одной из стен стоит небольшой стол с элементами декора.

– Да, конечно. В то время пока вы сравнивали бриллианты и поддельные камни, барсетка стояла там?

– Да. Чехол он держал в руке и, когда все мы убедились, что огранка этого стекла действительно выполнена виртуозно, вновь спрятал туда подделки и положил чехол в барсетку.

– После этого он вновь взял сумку в руки, или она так и осталась стоять на столе?

– Нет, он взял ее уже тогда, когда все начали прощаться. А в тот момент у нас шла очень оживленная беседа, полагаю, ему было не до сумки.

- Вы сами видели, как коллекционер положил чехол в сумку?
- Ну, весь процесс я, конечно, не отслеживал, – с некоторой досадой ответил Шурыгин. Ему, по-видимому, казалась ненужной такая чрезмерная дотошность. – Господин Литке спрята-
л камни в чехол и прошел к столику. Что еще мог он там делать, кроме как класть чехол в сумочку?
- Да, действительно. Что было дальше?
- Собственно, больше ничего. Мы обсудили последние детали и разошлись. Мы с госпо-
дином Литке прошли в наше хранилище, а остальные вышли на улицу и, полагаю, разъехались по домам.
- Аукционные лоты хранятся в этом же здании?
- Да, в одном потайном и очень надежном местечке, – загадочно улыбнулся Шурыгин.
- Понятно. То есть за сохранность настоящих камней вы спокойны?
- Абсолютно. В истории дома не было ни одного прецедента исчезновения или поврежде-
ния лота. И надеюсь, не будет. У нас безупречная репутация, и мы очень дорожим ею. Именно поэтому нас так обеспокоил этот досадный случай. Понятно, что ценность украденного неве-
лика, и, в общем-то, все это смахивает на какое-то странное недоразумение, но даже такой пустяк мы не готовы оставить без внимания. Необходимо выяснить, что произошло, чтобы ни у нас, ни у наших клиентов не осталось никакой неясности по этому вопросу.
- Да, разумеется. Я приложу все...
- Заверения полковника были прерваны появившимся в дверях охранником.
- Кто-то пришел, Семен? – повернулся к нему Шурыгин.
- Да. Из музея, – немногословно сообщил тот.
- Надеюсь, вы извините меня, – изобразил очаровательную улыбку Шурыгин, обращаясь к Гурову. – Я должен ненадолго отлучиться. Нужно представить нашим гостям коллекцию.
- Никаких проблем, – откликнулся Лев.

Если честно, он был даже доволен образовавшейся паузой в разговоре. Небольшая пере-
дышка давала возможность обдумать полученную информацию.

Гуров уже понял, что совершение этой нелепой кражи во время проведения консульта-
ций по размещению камней было вполне вероятным. Всеобщая сутолока и оживленная беседа,
о которой упоминал Шурыгин, создавали для этого вполне подходящие условия.

Если кого-то и беспокоила сохранность камней, то, конечно, настоящих, а не поддель-
ных. Именно на них было сосредоточено всеобщее внимание, и, разумеется, никому не при-
ходило в голову, что кто-то может заинтересоваться подделками. Этим и мог вполне удобно воспользоваться странный вор.

«Кто бы это мог быть? – размышлял он. – Если кража произошла в соседней комнатке, вор – один из присутствовавших там вчера уважаемых господ. Комаров? Да, мотив здесь воз-
можен. Подменить камни после аукциона, объявить, что ему продали подделку, и потребовать
обратно деньги. Думаю, сумма стоит того, чтобы пойти на эту маленькую уловку. Тем более
о краже господ аукционисты уже всем раззвонили. Вот и получится, что на воре загорелась
шапка. Сами же украли подделки, и сами же подсунули их вместо настоящих бриллиантов. И
пускай попробуют доказать потом, что все было совсем не так».

Кроме Комарова, наиболее вероятными кандидатами казались ему приглашенные юве-
лиры. Если этот странный вор не был клиническим сумасшедшим, поддельные камни он мог
украсть только с одной целью – чтобы в какой-то известный одному ему момент подменить
ими настоящие. А самую удобную возможность такой подмены имеет тот, кто постоянно кон-
тактирует с драгоценностями. То есть ювелиры.

Оставались еще сам Литке, переводчик, представители дома. Но Литке – изначально нет
смысла самому у себя красть. Конечно, если он психически адекватен. Аукционщики тоже не

заинтересованы, похоже, они и впрямь дорожат своей безупречной репутацией. Один лишь переводчик выглядел «темной лошадкой», с остальными же все было ясно.

Наибольшие подозрения полковника вызывали две кандидатуры – Комаров, которому выгодно было бы представить проданную ему коллекцию как подделку, и ювелир Шульц. Интуиция подсказывала опытному сыщику, что вчерашний «тревожный звонок» был как-то связан с аукционом.

Такой же мотив, как у Комарова, могли иметь и остальные трое покупателей, но поскольку вчера никто из них в шоу-рум не присутствовал, причастность этих лиц и организаций была маловероятной.

Тем не менее, когда Шурыгин вернулся, Гуров попросил его дать координаты всех без исключения покупателей и добавил:

– Кроме того, мне хотелось бы побеседовать с самим господином Литке. Это можно как-то устроить? Если я правильно понял, он не говорит по-русски.

– Да, но вызвать переводчика не проблема. Мы часто работаем с иностранными клиентами, поэтому у нас налажены хорошие контакты с теми, кто предоставляет подобные услуги. Мы всегда работаем только с профессионалами, в том числе и в этой сфере. Господин Литке, кстати, собирался сегодня подъехать к нам, если хотите, я могу уточнить этот вопрос.

– Да, это было бы очень удобно. Сам я навряд ли смогу это сделать – увы, не знаю немецкого. Если и он, и переводчик приедут сюда, думаю, это будет самый оптимальный вариант. А я, если не возражаете, хотел бы сейчас поговорить с директором. Он ведь тоже присутствовал на вчерашней экспертизе?

– Да, как я уже сказал, статус наших гостей был таков, что Юрий Сергеевич посчитал правильным встретить их лично. Идемте, я провожу вас к нему.

Гуров и Шурыгин миновали шоу-рум и, пройдя по коридору, оказались в небольшом, но стильно и дорого оформленном кабинете директора аукционного дома «Diamond».

– Юрий Сергеевич, это из полиции, – проговорил Шурыгин в ответ на вопросительный взгляд начальства. – По поводу вчерашнего инцидента. Гуров Лев Иванович. Полковник.

– А, вот оно что. Что ж, очень приятно. Проходите, присаживайтесь. Есть какие-то предположения по поводу происшедшего?

Директор был очень солидным и ухоженным мужчиной с небольшой проседью в темных волосах, придававшей его облику дополнительную респектабельность. По-видимому, привыкший повелевать и давать указания, он обратился к Гурову так, будто тот был одним из его подчиненных, явившихся с отчетом.

– Предположения строить пока рано, – спокойно ответил полковник. – Я успел лишь поговорить с вашим секретарем, но чтобы составить картину происшедшего, этой информации недостаточно. Что сами вы можете сказать о случившемся? Ведь вы тоже присутствовали на вчерашнем мероприятии.

– Юрий Сергеевич, так я пойду? – деликатно вклинился Шурыгин.

– Да, Паша, конечно. Что я могу сказать? – обратился директор к Гурову, когда секретарь вышел. – Да ничего особенного. Я был целиком поглощен заботами о наилучшем размещении коллекции, ведь это играет очень большую роль. Думал о том, как организовать освещение, как расположить камни. Специально приглашать дизайнера всего лишь из-за трех бриллиантов, сами понимаете, непродуктивно, а сам я не такой уж специалист в подобных вопросах. А между тем ответственность за успешную организацию торгов лежит на мне. Так что у меня было достаточно хлопот с настоящими камнями, и, признаюсь, я не особенно следил за тем, что происходит с поддельными.

– Но как господин Литке доставал их из бархатного чехла, вы, наверное, все-таки видели?

– Да, разумеется.

– Расскажите, как это произошло.

– Он поставил барсетку на край витрины, открыл ее и достал футляр. Держать все это вместе в руках было неудобно, а ему ведь нужно было еще достать камни. Копии, я имею в виду. Ставить сумку посреди витрины, где в это время лежали великолепные бриллианты, тоже было не особенно красиво, поэтому господин Литке перенес ее на столик у стены.

– До того как достал из чехла подделки?

– Да, до того. Он вернулся в центр комнаты, где стояли мы все, и, достав камни, положил их рядом с настоящими для сравнения.

– Они были очень похожи?

– Поразительно! Должен сказать, у меня есть немалый опыт, я много повидал драгоценностей на своем веку, но тут, если бы мне не сказали заранее, что это дубликаты, наверное, не отличил бы.

– Что было дальше?

– Ничего особенного. Господин Литке снова спрятал копии в чехол и положил в свою сумочку.

– Вы видели, как он это делал? Открывал барсетку, клал в нее чехол, закрывал ее?

– Нет, таких подробностей я не видел. Я ведь уже сказал, мысли мои были заняты более важными вещами. Господин Литке отошел к боковому столику, и я решил, что он положил чехол обратно в сумку. Для чего еще ему понадобилось бы подходить туда?

– Да, действительно. Послушайте, Юрий Сергеевич, вы не могли бы уточнить – оценка и экспертиза лотов производятся только до проведения торгов? Перед вручением товара победившему покупателю эта процедура не проводится?

– Нет. А зачем? Для того чтобы игроки убедились в подлинности и качестве выставленных лотов, у нас специально назначается демонстрационный день. Кстати, он как раз сегодня. Все, кто заявил об участии в торгах и заплатил предварительный взнос, имеют полное право получить полную информацию. Приступая к соревнованию, участники уже должны быть полностью уверены, что им есть за что бороться. А иначе получится, что мы предлагаем своим клиентамкота в мешке. Это недопустимо.

– Да, конечно, но в этот раз я убедительно прошу вас сделать исключение. После окончания торгов и перед вручением коллекции покупателю подлинность камней вновь должна быть подтверждена независимыми экспертами.

– Боюсь, я не совсем понимаю вас.

Выражение лица директора стало холодным и отчужденным, по-видимому, Юрий Сергеевич усмотрел в словах полковника новое покушение на безупречную репутацию аукционного дома и собирался обидеться.

– Постараюсь объяснить, – спокойно произнес Гуров. – Сложившаяся ситуация довольно двусмысленна. Вы сами сейчас сказали, что настоящие и поддельные камни очень похожи. Если все это не было просто глупой шуткой, украсть подделки могли только с одной целью – с целью подмены. А поскольку пока мы не знаем, кто это сделал, взаимные подозрения лучше пресечь в самом корне. Если при вручении коллекции покупателю будет проведена точно такая же экспертиза, как и перед торгами, то, по крайней мере, добросовестные участники торгов будут уверены друг в друге. Продавец при посредстве компетентных лиц еще раз подтвердит, что продал именно то, что обещал, а покупатель сможет достоверно убедиться, что получил именно то, за что заплатил деньги.

– А ведь верно... Как точно вы подметили. А я, признаться, и не подумал. Ведь действительно они могут предположить... Послушайте, я... Вы даже не представляете, от какой головной боли меня сейчас избавили. Столько лет работаю в этом бизнесе, кажется, малейшие нюансы уже научился улавливать, а вот подобное даже в голову не пришло. А ведь все вполне могло бы именно так и обернуться. Какой-то негодяй подменил бы бриллианты, а мы, ничего

не подозревая, думали бы друг на друга. Покупатель решил бы, что в нашем доме ему намеренно продали подделку, а мы стали бы думать, что столкнулись с недобросовестным покупателем, подменившим камни уже после покупки для того, чтобы потребовать возврата денег.

– Именно! – подтвердил Гуров, очень довольный, что ему удалось втолковать свою мысль директору. – И чтобы избежать этой двусмысленности, перед вручением коллекции нужно провести еще одну экспертизу. О происшествии все знают, так что объяснить причины такого шага вам будет несложно. А вы и ваши клиенты, как вы сами сейчас заметили, избавятся от очень неприятной «головной боли».

– Спасибо вам! – с чувством проговорил Юрий Сергеевич. – Вы просто не представляете, как выручили меня. Надо же! А мне даже в голову не пришло. Благодарю! Просто... От всей души благодарю!

Сам Гуров тоже был вполне доволен результатами этой беседы. Повторная экспертиза освобождала его от дополнительной работы. Если проверка не выявит подмены, значит, и покупателя, и продавца можно смело исключать из числа подозреваемых. Тогда круг поисков сразу сужался, и, по сути, самыми вероятными «кандидатами» оставались только ювелиры.

Размышляя над этими вопросами, Лев решил еще раз уточнить количество и состав присутствовавших вчера в шоу-рум. Попросив директора перечислить тех, кто был там, он проштудировал список в своем блокноте и убедился, что все совпадает.

– После того как вы обсудили вопросы по расположению камней на витрине, все разошлись по своим делам?

– Да, господин Комаров и наши эксперты уехали, а мы с господином Литке прошли в хранилище.

– Вы не припомните, кто из присутствующих последним вышел из шоу-рум?

– Кажется, Аркадий Яковлевич... Да, по-моему, он. Хотя утверждать не берусь. Сам я вышел одним из первых вместе с господином Литке. Потом остановился, чтобы подождать остальных и попрощаться с нашими гостями. И вот тогда увидел, что из шоу-рум выходят Аркадий Яковлевич и охранник господина Комарова. Они появились практически вместе, так что кто из них за кем шел, я честно говоря, не заметил.

– Минуточку. Значит, среди присутствующих был еще и охранник? Вы не упомянули его, когда перечисляли, кто находился в комнате.

– Да? Хм. Прошу прощения за неточность. Но я как-то не придавал значения... У нас тоже практически постоянно в помещениях дежурит охрана, это как бы само собой разумеется, я не думал, что о них тоже необходимо упоминать.

– Нет, мне нужен полный список всех, кто находился в шоу-рум в то время, когда господин Литке демонстрировал копии. Кроме охранника господина Комарова там был кто-то еще из обслуживающего персонала? Ваша охрана, телохранители господина Литке?

– Нет, больше никого. Мы, можно сказать, находились у себя дома, поэтому дополнительной охраны не требовалось, а господин Литке не имеет телохранителя. Нет, больше там никого не было. Охранник господина Комарова – единственный, кого я пропустил.

«Значит, девять, – мысленно подсчитал Гуров. – Девять человек тусовались в этой тесной комнатухе и оживленно обсуждали разные насущные вопросы. Неудивительно, что в такой суматохе начали пропадать вещи. Что это за охранник такой? Шурыгин тоже про него не упомянул. Настолько незаметен, что все воспринимали его как часть мебелировки?»

Оценивая, насколько вероятным кандидатом в подозреваемые может быть охранник Комарова, он пришел к выводу, что вероятность эта приблизительно такая же, как у его босса. Если Комаров имел намерение выкрасть подделки и произвести подмену, он мог сделать это не сам, а поручить своему телохранителю. В конце концов, на то он и телохранитель, чтобы рисковать вместо босса.

«И он вышел вместе с Шульцем, – подумал Лев. – Имеет ли это отношение к желанию ювелира встретиться со мной? Может, он заметил что-то и хотел сообщить? Тогда почему бы не сообщить сразу аукционистам? Зачем ему понадобился полицейский? А может, все было как раз наоборот, и это охранник заметил что-то за ювелиром? Тьфу, черт, всю голову изломал. Надо будет позвонить этому Шульцу сразу же, как только освобожусь. Может, его просьба о встрече вообще не имеет никакого отношения к этому аукциону».

Так или иначе, причастность или непричастность Комарова и его приспешников должна была выясниться уже скоро. Оставалось только дожидаться проведения аукциона и повторной экспертизы. Если подмены не обнаружится, значит, ни сам Комаров, ни его телохранитель к краже поддельных бриллиантов не имеют отношения, и тогда можно будет целенаправленно сосредоточиться на ювелирах.

Тем временем директору позвонил Шурыгин и сообщил, что прибыл Ганс Литке.

– Проводи его в мой кабинет, – коротко распорядился Юрий Сергеевич.

Через несколько минут в дверь вежливо постучали, и на пороге появился Шурыгин с двумя незнакомцами. Один из них – худощавый, очень светлый блондин высокого роста, – широко улыбаясь, быстро прошел к директору, протягивая для рукопожатия руку. Второй, невысокий темноволосый мужчина, скромно встал в сторонке, ожидая, когда понадобятся его услуги.

– Guten tag, guten tag, Jurij, – приветствовал директора Литке.

– Здравствуйте, Ганс, очень рад вас видеть.

– Guten tag, Hans, sehr froh, sie zu sehen, – безразлично, как автомат, проговорил переводчик.

Когда директор представил своему гостю полковника и объяснил, для чего он находится здесь, Литке выразил восторг по поводу оперативности русской полиции и с готовностью согласился отвечать на вопросы.

– Где мы можем побеседовать? – спросил Гуров у Юрия Сергеевича.

– Если вам удобно, можно прямо здесь, – ответил тот. – Мой кабинет в полном вашем распоряжении, можете спокойно беседовать, здесь вам никто не мешает.

– Благодарю.

Шурыгин и директор деликатно удалились, а Гуров, усадив напротив себя Литке и переводчика, приступил к очередному допросу.

Общаться через переводчика было не очень удобно, но все же в итоге Лев смог составить для себя картину происшедшего такой, как она представлялась немецкому коллекционеру.

В целом его рассказ совпадал с тем, что уже было известно от Шурыгина. Литке сообщил, что из Петербурга он прибыл на самолете Комарова, и из аэропорта они сразу поехали в «Diamond».

– Барсетка все время была при вас?

– Да, я практически не выпускал ее из рук. Так и ходил – в одной руке чемоданчик с настоящими камнями, в другой – сумочка с копиями, – улыбаясь, ответил Литке. – Так что транспортировку моей дорожной сумки пришлось взять на себя телохранителю господина Комарова. У меня уже не хватило рук.

– Так вы и прибыли в «Diamond»? В каждой руке по чемоданчику?

– Да, именно так.

– Что произошло после этого?

– Нас встретили представители дома и эксперты. Мы прошли в специальную комнату, где они официально подтвердили подлинность и качество моих камней. Это было зафиксировано в документах. Потом дирекция предложила мне обсудить расположение экспонатов на витрине, и мы прошли в шоу-рум.

– Там присутствовали все те, кто был при проведении экспертизы?

– Да, кажется, все. По крайней мере, я не помню, чтобы кто-то уходил. Мы увлеченно обсуждали, как лучше разместить бриллианты, и тут мне пришла мысль представить для сравнения копии. Должен вам сказать, что это очень хорошие копии, все, кто видел их, были просто поражены качеством работы. На вид они практически ничем не отличаются от настоящих камней.

– Если вам не трудно, с этого момента опишите, пожалуйста, свои действия максимально подробно, – попросил Гуров. – Как вы взяли барсетку, как открыли ее, как достали камни, что произошло потом. Все это очень важно для установления точной картины происшедшего.

– Я достал из сумочки чехол, в котором хранились копии, потом поставил ее на столик у стены и вытащил камни, – начал рассказывать Литке. – Мы сравнили их, все, как обычно, были поражены сходством, и я положил камни обратно. Признаюсь, у меня была мысль, что господин Комаров, как будущий покупатель, заинтересуется копиями, но, кажется, он не рассматривал подобную меру страховки.

– Простите, я хотел бы уточнить. После того как все осмотрели поддельные камни, вы спрятали их в чехол и снова положили в барсетку? Вы точно это помните?

– Да. То есть... Нет, сначала я, кажется, положил их рядом на столик, а в сумку убрал только потом. После. Честно говоря, в тот момент я так был увлечен разговором, что эти подробности как-то ускользнули от моего внимания. Да, кажется, сначала я положил чехол с камнями на стол. Или, возможно, просто бросил в сумочку, не закрывая ее.

– То есть все это время барсетка стояла открытой?

– Да, я не закрывал. Чего мне было опасаться? Я ведь не на вокзале находился. Вокруг солидные люди, охрана. Я даже мысли не допускаю, что эти копии мог взять кто-то из присутствующих. Для чего? Серьезные уважаемые люди. Уверен, все произошедшее – просто недоразумение, которое очень скоро разъяснится. Подделки ничего не стоят, ни один здравомыслящий человек не будет из-за этого рисковать своей репутацией. А те, кто присутствовали вчера в шоу-рум, конечно же, вполне здравомыслящие. Это просто недоразумение.

– Что произошло после того, как вы закончили обсуждать нюансы расположения коллекции?

– Я закрыл сумку, положил камни, настоящие камни, в специальный чемоданчик – я специально заказывал его для транспортировки и хранения коллекции, – мы попрощались с экспертами и господином Комаровым, которые уезжали, и прошли в хранилище. Оно находится тут же, в подвальном помещении. Должен вам сказать – очень надежное место. Я демонстрировал «Фамилию» по всему миру, так что мне пришлось повидать весьма разнообразные модификации подобных бункеров. Здешний вариант – один из наиболее удачных. Все очень продуманно и профессионально.

– Таким образом, из аукционного дома вы вышли уже с одним саквояжем вместо двух?

– Да, теперь одна рука была свободна, – улыбнулся Литке.

– Куда вы направились после этого?

– Сразу в гостиницу. Предыдущий период был очень напряженным – окончание выставки, перелет, все эти организационные вопросы с размещением и хранением камней... Я был утомлен, и мне хотелось отдохнуть.

– Вы отправились в гостиницу в одиночестве?

– Нет, меня сопровождал Роберт. – Литке кивнул на переводчика. – Я не знаю русский язык, поэтому все время нуждаюсь в помощнике. Дирекция дома «Diamond» очень любезно предоставила мне его. Мы взяли такси, и Роберт объяснил водителю, куда нужно ехать.

– Барсетка все это время была с вами?

– Да, я не выпускал ее из рук. Кроме чехла с копиями в этой сумочке – все мои документы, так что, поверьте, я не оставляю ее где попало.

– В номер вы поднялись вместе с Робертом?

– Нет, он проводил меня только до вестибюля. Как выяснилось, среди персонала отеля были служащие, говорившие на немецком, поэтому я смог отпустить Роберта. Думаю, у него тоже был не самый легкий день.

– То есть в номере вы были один?

– Да, абсолютно. Признаюсь, я и не стремился к общению. Действительно немного устал, хотелось просто побыть в тишине и покое. Я заказал легкий ужин, сделал несколько звонков и очень быстро заснул.

– Таким образом, кроме вас в номер вчера вечером входил только официант?

– Да, только он. Больше гостей не было.

– И за весь вечер вы так ни разу и не открыли барсетку? Ведь, если я правильно понял, пропажа обнаружилась только сегодня утром.

– Вы удивитесь, но это действительно так. Мне незачем было открывать сумочку. Документы и камни, которые, как я думал, все еще там лежали, были мне не нужны, телефон у меня всегда в кармане. Нет, просто не было надобности открывать.

– Но утром зачем-то понадобилось?

– Да, и как раз из-за камней. Я хотел переложить копии в дорожную сумку, но... увы! Выяснилось, что их там нет. Я подумал, что это какое-то недоразумение, да и до сих пор так думаю, и позвонил в дирекцию. Точнее, попросил позвонить парня, который общался со мной в отеле. Того, который знал немецкий. Я поинтересовался, не находили ли в шоу-рум чехол после того, как мы ушли, но мне сказали, что нет.

– Кто разговаривал с вами?

– Господин Шурыгин. Именно с ним мы больше всего общались по организационным вопросам, и у меня был его номер. Он стал выяснять, в чем дело и, поняв, что пропали копии, очень обеспокоился. Честно говоря, это он настоял на официальном расследовании. Сказал, что их аукционный дом – очень солидная организация и не может позволить себе даже малейшего недоразумения, негативно влияющего на репутацию. Он прислал Роберта, подробно проконсультировав его, как нужно писать заявление, и после того как мы совместно составили этот документ, на русском языке, разумеется, я поставил свою подпись. Роберт отвез заявление господину Шурыгину и... вот, теперь мы общаемся с вами.

– Получается, что копии находились у вас до того момента, когда вы вытащили их из чехла, чтобы продемонстрировать тем, кто находился в шоу-рум. После этого вы положили их обратно в чехол, а сам чехол – либо в барсетку, либо на стол рядом с ней. Здесь, как я понимаю, имеется расхождение.

– Да... я... Этот момент, честно говоря, мне трудно припомнить в деталях. Кажется, я бросил чехол в сумочку... Или положил рядом. Не сосредотачивался на этом действии. Впрочем, думаю, это и понятно. Мысли мои были заняты совсем другими вопросами, и я меньше всего мог предполагать, что мне необходимо как-то специально заботиться о сохранности этого ничего не стоящего стекла. Кому могло прийти в голову, что подделки могут украсть? Нонсенс, нелепица! Я вам даже больше скажу – если бы не дирекция дома, я бы даже не стал беспокоить вас. Уверен, у вас есть гораздо более серьезные проблемы, которыми необходимо заняться. А это... Этот случай – просто странность и недоразумение, которое наверняка очень скоро разъяснится само собой.

– Будем надеяться на это. Но я бы хотел продолжить. Когда закончился разговор, вы подошли к столу и закрыли барсетку. Вы точно помните, что в этот момент не брали со стола футляр, а только закрыли крышку сумки?

– Да, это я помню точно. Поскольку перед тем, как закрыть барсетку, я тщательно укладывал в чемоданчик настоящие камни, то, конечно, дополнительное «укладывание» отложилось бы в моей памяти. Но ничего подобного не было. Я разместил бриллианты, закрыл чемоданчик, зафиксировал новый код. Я всегда меняю его, когда приходится открывать это миниатюр-

ное хранилище. Потом взглянул на сумочку и, увидев, что замок не защелкнут, просто нажал сверху на крышку, взял ее в руку и направился следом за представителями дома в хранилище. Крышка закрывается очень легко, вы можете сами убедиться.

Литке поставил на стол небольшую мужскую сумку из отлично выделанной черной кожи и продемонстрировал, как открывается и закрывается ее крышка.

В этом действительно не было ничего замысловатого, она просто защелкивалась как обычный школьный портфель. Но наблюдательный полковник и из этой небольшой детали смог извлечь дополнительный полезный вывод.

Похоже, несмотря на все показное простодушие и имидж «своего парня», Литке действительно был человеком внимательным и осторожным и без особой нужды свою сумочку с документами из рук не выпускал.

«Значит, он был стопроцентно уверен в «солидности» той компании, которая собралась вчера в шоу-рум, – подумал полковник. – Кроме того, на всеобщем обозрении без всякой дополнительной защиты лежали настоящие бриллианты, и наверняка это гораздо больше напрягало уважаемого господина Литке, чем какие-то там стекляшки. «Бросил в сумочку или положил рядом...» Действительно, какая разница? Наверняка единственное, чем он был озабочен в тот миг – это необходимостью контролировать, что происходит с настоящими камнями, где уж тут думать о каких-то там стекляшках. Бросил, положил... Какая разница?»

Теперь Гуров был практически на сто процентов уверен, что кража, если она действительно имела место, произошла именно в демонстрационной комнате дома «Diamond». До этого времени поддельные камни находились в барсетке, поскольку именно оттуда Литке извлек их, чтобы продемонстрировать собравшимся. После консультаций в комнате сумочка практически постоянно находилась либо в руках Литке, либо у него перед глазами. Не говоря уже о том, что и потенциальных воров поблизости, кажется, не наблюдалось. В такси рядом с ним был только переводчик, а в номере он вообще находился один.

– Итак, вы закрыли крышку, взяли в руки барсетку и чемоданчик и отправились в хранилище. В следующий раз, как я понимаю, сумочка была открыта только утром, и чехла с копиями вы в ней не обнаружили.

– Именно так.

– Пропало все, и чехол, и камни?

– Да, все вместе.

«Однозначно, это – шоу-рум, – вновь подумал Лев. – Кто-то из уважаемых господ воспользовался тем, что Литке зазевался, да и стянул пакетик. Между прочим, довольно смелый ход. Как он, интересно, собирался отмазываться, если бы его маневр обнаружили? Тоже свалил бы все на забавное недоразумение? Занятно. Хотел бы я посмотреть на того, кто рискнет так играть со своей репутацией. «Миллиардер Комаров мелочь по карманам тырит» – неплохой заголовочек для передовицы. Газетчики бы на ушах стояли от счастья. Такой материалец! Нет, что ни говори, а смело. Очень смело. Особенно учитывая то, что мысль наверняка родилась спонтанно. Но вот что это была за мысль? И у кого именно она родилась? Занятный, очень занятный случай».

Переговорив с Литке, Гуров позвонил Шурыгину, тактично дожидавшемуся окончания беседы где-то вне поля зрения.

– Мы закончили, спешу передать кабинет его законному хозяину, – сообщил полковник.

– Надеюсь, после разговора с господином Литке ситуация стала для вас яснее, – дипломатично поинтересовался Шурыгин.

– Да, немного. Еще я хотел бы уточнить, во сколько завтра начнется аукцион и когда обычно заканчиваются подобные мероприятия.

– Начало в десять, а когда закончится, это, как сами понимаете, заранее предугадать невозможно. Все зависит от того, как пойдут торги. Обычно вся процедура продолжается около часа. Иногда чуть больше, иногда чуть меньше.

– Хорошо, спасибо. Буду ориентироваться на продолжительность в час. Я бы хотел побеседовать с господином Комаровым, думаю, после аукциона я смогу найти его здесь?

– Да, разумеется. Геннадий Евгеньевич – наиболее вероятный покупатель, и если он выиграет торги, он пробудет у нас в гостях гораздо дольше. Так что у вас все шансы встретиться с ним.

– Благодарю вас, постараюсь использовать эти шансы.

Когда Гуров покинул аукционный дом, на улице уже вечерело.

Собеседования заняли много времени, и он досадовал, что, вместо того чтобы ехать домой, ему сейчас придется вернуться в Управление. Из-за этих никчемных стекляшек пришлось прервать расследования по важным делам, и теперь предстояло допоздна просидеть в кабинете, чтобы хотя бы отчасти наверстать упущенное.

Подъезжая к Главку, он, взглянув на здание, заметил, что из окна их общего с Крячко кабинета льется свет.

«Кажется, не я один сегодня на свержурочной, – усмехнулся Лев. – Старая гвардия в своем привычном амплуа».

– Ага! Вот он! – победно воскликнул Стас при появлении Гурова. – Ну что? Будем колотиться или в молчанку играть?

– Ты это о чем?

– А ты не знаешь?

– А должен?

– Нет, мне это нравится, – фыркнул Стас. – На трубке жертвы сто пятьдесят звонков с его номера, а он, видите ли, ничего не желает об этом знать. А тебе известно, что...

– Какой еще жертвы? Каких сто пятьдесят звонков? Стас, если у тебя опять приступ шутливости, вот именно конкретно сейчас это абсолютно некстати. Я устал как собака, я полдня на какую-то бессмысленную хрень убил, у меня еще дел недоделанных... О, черт! Звонок! Точно. Я же хотел позвонить ему. Вот зараза, восьмой час уже...

Вспомнив, что за весь день так и не нашел времени позвонить Шульцу, Гуров в досаде достал трубку и нашел нужный контакт.

После активации номера в трубке слышались гудки, а откуда-то из недр со стороны сидящего за столом Крячко в это время донеслись переливчатые звуки зазвонившего телефона.

– Чего это у тебя там? – удивленно спросил Лев, знавший, что на звонке у Стаса стоит другая мелодия. – Мобильник, что ли, кто-то забыл?

– Ага, – саркастически посмотрел на него Крячко. – Забыл. Да так, что, боюсь, уже и не вспомнит теперь.

– Вот черт, опять не берет трубку, – досадовал между тем Гуров. – В подполье, что ли, ушел?

– Иваныч! Очнись! Тот, кому ты звонишь, давно труп. Не ответит он тебе с того света.

– То есть, как это труп? С чего ты взял? И вообще, откуда ты... – осекся Лев, догадавшись о том, что произошло, и пронзительно взглянул Стасу в глаза: – На какой это трубке моих сто пятьдесят звонков? Кто жертва?

– Уф-ф... Ну, наконец-то дошло. А то я уже, признаюсь, начинал беспокоиться за тебя. Совсем, думаю, заработался, бедняга, вот уже и родная крыша вдаль уплывает.

– Хочешь сказать, у тебя там, в столе, его телефон? – не обращая внимания на дружеские издевки, продолжал спрашивать Гуров. – Его, Шульца? Ювелира? Он что, мертв?

– Вот! Вот теперь узнаю нашего бравого полковника. Давно бы так. А то стоит тут передо мной, невинность из себя строит. «Какие звонки?», «Какая жертва?» А вот такая вот. Сам черт

не поймет, что это за жертва, и кому ее жертвой сделать понадобилось. Жил себе дедок, божий одуванчик, обращался в цивилизных сферах, на хлеб, на соль консультациями зарабатывал. И вдруг, откуда ни возьмись, киллера по его душу прислали. Да и не дешевого, похоже. И оружие, судя по дальности, неплохое, да и стрелок профессиональный. С одной пули уложил. И теперь, учитывая, что в списке недавних контактов жертвы несколько раз повторяется ваш личный, уважаемый товарищ полковник, телефонный номер, мне так и хочется поинтересоваться...

– Да погоди ты! – прервал Гуров разливавшегося соловьем Стаса. – Объясни толком. Как его убили? Когда?

– Похоже, вчера. По времени – во второй половине дня. Точнее скажут эксперты, когда все, что им там нужно, досконально исследуют. Стреляли в окно из оптической винтовки. Я пока серьезно местность не изучал, так что конкретную точку, где находился киллер, назвать не готов, но ближайшая удобная для таких действий позиция расположена не ближе ста метров. Шульц жил на девятом этаже, и окна его квартиры выходили на автомобильную трассу. То есть со стороны двора, например, с крыши соседнего дома, его было не достать. За трассой – небольшой парк, за ним еще одна дорога, и только за ней снова идут жилые строения. Думаю, стреляли оттуда. Но расстояние, как я уже сказал, очень приличное. Новичков на такие задания не посылают.

– Вот это поворот... – думая о своем, пробормотал Лев. – Вот тебе и стекляшки...

– Что? Какие еще стекляшки? Алло, Иваныч! Опять крыша поехала? Ты погоди, не уходи в астрал, я не закончил еще. А насчет поворота, это ты верно подметил. Я когда при обыске на трубке его контакты посмотрел, тоже приблизительно так же подумал. Ни хрена себе, думаю, поворот! В самый что ни на есть день убийства нашей жертве самый крутой московский опер названивал. Да настойчиво как! Ты предупредить его, что ли, хотел? Или в чем там дело? Давай уже, колись. А то я пока в плане версий – в полном вакууме. Если не глубже. У товарища не то что врагов, у него даже знакомых более-менее близких, похоже, не было. Кому он мог понадобиться? Мертвым, я имею в виду. Может, ты что-то прояснишь?

– Послушай, Стас, тут похоже... Похоже, у нас с тобой на двоих одно дело оказалось. Не может быть, чтобы все это не было как-то связано. Но вот как... Ну и поворот!

– Погоди, Иваныч. Ты что-то все сам с собой разговариваешь, а я не понимаю ничего. Что «это»? С чем связано?

Стараясь быть кратким и не вдаваться в подробности, на выяснение которых ушла сегодня половина рабочего дня, Гуров рассказал Стасу то, что удалось выяснить ему при расспросах в аукционном доме.

– Чуешь, в чем тут фишка? – возбужденно спросил он. – Ювелир пришел к Самойлову сразу после этих консультаций у аукционистов. Пришел взбудораженный и начал выяснять насчет знакомых полицейских. Что это могло означать?

– Что он спер у этого немца стекляшки и хотел прикрыться с помощью знакомых в полиции, но не успел, потому что обиженный немец нанял киллера и... Ладно, ладно. Шучу, – заметив устремленный на него разгневанный взор Гурова, сразу поправился Крячко. – Похоже, ювелир либо сам в чем-то прокололся, либо заметил чей-то прокол и хотел проконсультироваться, как ему выбраться из этого... из всего этого с наименьшими издержками.

– Именно! А теперь вспомни, что, по словам директора, Шульц вышел из шоу-рум последним, причем почти одновременно с телохранителем Комарова. Что это может значить?

– Думаю, здесь два варианта. Возможно, Шульц действительно приметил какой-то левый маневр со стороны этого телохранителя. Но может быть и другое. Ведь ты говорил, что и ювелиры у тебя в списке наиболее вероятных подозреваемых, не только Комаров. Может быть, все было как раз наоборот. Может, это телохранитель заметил что-то за Шульцем, а тот, поняв, что прокололся и что теперь есть свидетель, расстроился и побежал к Самойлову искать полицейского-консультанта.

– Но ведь убит Шульц, а не телохранитель. Какой в этом смысл?

– Очень простой. Если Шульц действовал сам по себе, убийство мог организовать Комаров. Мы ведь не знаем, в чем именно был смысл этого маневра с кражей стекляшек. А вдруг там что-то до такой степени подлое, что исправить ситуацию можно было только одним способом – лишь стерев с лица земли бессовестного ювелира. А уж если этот Шульц работал не один, а состоял в сговоре со своими собратьями, тогда все вообще яснее ясного. Они поняли, что он прокололся, и решили за одним разом и наказать виновного, и убрать свидетеля. Каким, единым в двух лицах, и являлся тишайший и добросовестнейший ювелир Аркадий Яковлевич Шульц. Фу, просто гора с плеч! А я-то уж думал, что до второго пришествия мне здесь правдоподобных версий не отыскать.

– Что ж, возможно, так все и было, – задумчиво проговорил Лев. – По крайней мере, в одном ты прав – Комаров и ювелиры действительно наиболее вероятные подозреваемые. И что же получается? Получается, что Шульц, чем-то очень взволнованный и испуганный на аукционе, пришел к Самойлову с целью узнать, нет ли у того знакомых в полиции. Это было где-то в районе одиннадцати часов дня. В двенадцать мне позвонил Самойлов, а где-то около трех я сам звонил Шульцу. И на звонок он ответил.

– Да, есть такое. Помню очень хорошо – в трубочке ваш входящий, товарищ полковник. И потом еще два звонка, уже оставшихся без ответа, – вновь обратился к своим двусмысленностям Стас.

– Да, вечером я звонил ему из кафе. Мы договорились встретиться в «Бригантине» в Сокольниках, и я удивлялся, что он не торопится. Вроде при разговоре так был взволнован, так стремился... Я позвонил.

– Уже после того, как наступила смерть, заметьте.

– Так это – лучшее доказательство того, что я непричастен, – улыбнулся Гуров. – А ты бы, вместо того чтобы паясничать, повнимательнее слушал, что я тебе говорю. Ведь эти звонки позволяют нам уточнить время убийства. Хотя и не до секунды, но все-таки. Границы периода теперь более четкие.

– Да, выходит, что его пристрелили между тремя часами дня, когда ты с ним разговаривал, и восемь вечера, когда поговорить уже не смог.

– Кроме моих звонков в этот период больше ничего не было?

– Нет. Ему вообще не так часто звонили. Я пробил некоторые номера – чаще всего звонила дочь, она живет на другом конце Москвы. Кстати, насчет «Бригантины». Вполне логично, что он назначил тебе «свидание» именно там, он живет на Песочной.

– Точнее, жил.

– Да, так, пожалуй, точнее. Остальные звонки в основном связаны с работой. Входящие абоненты – либо коллеги по цеху, либо люди, занятые в индустрии драгоценностей. Судя по тому, сколько времени он в этой индустрии работает, конфликтов у него там не было. Иначе пристрелили бы уже давно.

– Самойлов тоже говорил, что у Шульца просто безупречная репутация.

– И вот финал.

– Кто обнаружил труп?

– Его дочь. Ее звонок – последний. Точнее, там несколько звонков, они идут сразу после твоих. Тоже неприятые. Видимо, она забеспокоилась, что отец не берет трубку, поэтому решила приехать. Мало ли, все-таки человек уже пожилой. Боялась, что сердечный приступ, а тут...

– Настоящий боевик.

– И не говори.

– Что ж, будем копать с двух сторон. Похоже, с этой кражей стекляшек не все так просто. Не получится списать на забавное недоразумение, как надеялся наш немецкий гость. Думаю,

нужно разграничить сферы приложения усилий. Ты займись исполнителем и винтовкой, такие «игрушки» в супермаркетах не продаются, глядишь, и выведет куда-нибудь след. А я сосредоточусь на заказчиках и инициаторах. Раз уж я так подружился с представителями аукционного дома «Diamond», мне и дорога туда.

– Себе, как всегда, самое легкое выбрал, – пробурчал Стас.

– Это почему?

– Как почему? С этими «инициаторами» и заморачиваться нечего. Все ясно. Если не Комаров, значит, ювелиры, а если не ювелиры, значит, Комаров. А если учесть, что в ходе завтрашней повторной экспертизы все это просто само собой определится, сразу становится ясно, что тебе, по большому счету, и делать-то ничего не нужно. Сиди себе, блаженствуй. Жди результата.

– Не скажи. Что-то подсказывает мне, что не так просты они, наши неизвестные пока инициаторы. Не подставятся они так глупо, чтобы первая же экспертиза их выдала. Вот помяни мое слово – ничего она не покажет. Бриллианты окажутся настоящими, Ганс этот спокойно отчалит в свою Германию с полными карманами бабла, а Комаров спрячет в закрома очередной «актив», олицетворяющий выгодное вложение капитала. В общем, завершится дело ко всеобщему удовольствию, и, на радостях, все моментально позабудут про «забавное недоразумение». Вот тогда-то все и начнется.

Глава 3

На следующий день в половине одиннадцатого Гуров входил в отреставрированный и осовремененный особняк, где располагался антикварно-аукционный дом «Diamond».

Там наблюдалось большое оживление. В вестибюле толпились люди, слышались разговоры, все явно находилось в предвкушении знаменательного события. Что это за событие, догадаться было нетрудно.

Долго ждать полковнику не пришлось. Уже минут через десять после того, как он вошел в вестибюль, открылась дверь, ведущая из внутренних помещений, и оттуда вышла довольно многочисленная компания. В ее центре шел высокий и плотный темноволосый мужчина. По тому, какие подострастные взоры бросали в его сторону Шурыгин и директор аукционного дома, находившиеся тут же, Гуров сразу понял, что это и есть победитель, выигравший торги.

«Комаров?» – невольно подумал он.

– Поздравляю, поздравляю, Геннадий Евгеньевич, – проговорил директор, подтверждая его догадку. – Отличное сделали приобретение. Прошу вас, пройдемте в комнату для экспертиз. Там вы сможете получить камни и расписаться в документах.

– В комнату для экспертиз? – в недоумении переспросил Комаров.

Директор понизил тон и стал вполголоса что-то говорить. Гуров, с интересом наблюдавший за этой сценой, догадался, что сейчас счастливому покупателю объясняют нюансы, возникшие в связи с исчезновением подделок.

Комаров слушал спокойно, и на лице его не отражалось никаких других эмоций, кроме удивления.

«Если кражу организовал он, то явно не с тем, чтобы подменить камни сию же минуту, – сделал вывод Гуров. – Одно из двух – либо он так спокоен, потому что вообще непричастен, либо эта кража совершена с более долгосрочными целями, чем подмена при продаже на аукционе, и волноваться ему пока просто не о чем. В любом случае, держится он просто отлично. Что ж, возможно, уважаемый господин Комаров действительно тут ни при чем. Ведь его телохранитель был не единственным, кто дольше всех задержался в шоу-рум. Похоже, пришла пора вплотную заняться ювелирами».

Он отозвал в сторонку Шурыгина и поинтересовался, кто в этот раз будет проводить экспертизу.

– Состав группы практически тот же, – ответил секретарь. – Постоянство в деловых контактах – один из залогов нашей стабильности. Правда, до Аркадия Яковлевича мы не смогли дозвониться, и пришлось пригласить вместо него другого эксперта. Максим Шапошников – молодой, но уже отлично зарекомендовавший себя специалист.

– Он находится среди присутствующих? – кивнул на толпу, собравшуюся вокруг Комарова, Лев.

– Нет, ювелиры сейчас в комнате для экспертиз. В связи с этим странным инцидентом, о котором мы вчера беседовали с вами, Юрий Сергеевич решил провести дополнительную экспертизу по окончании торгов. Так сказать, в виде дополнительной гарантии. Чтобы ни у покупателя, ни у продавца не осталось ни малейших сомнений, что продан и куплен именно тот товар, о котором было заявлено.

– Очень дальновидное решение, – одобрил Гуров, не уточняя, с чьей подачи оно было принято. – Так, значит, ювелиры сейчас не здесь. Но с ними мне тоже необходимо будет побеседовать. Когда я смогу это сделать?

– По-видимому, уже после окончания экспертизы. На ней могут присутствовать только те, кто имеет непосредственное отношение к камням, то есть господин Комаров и господин Литке. После подтверждения подлинности лота должна быть произведена оплата. К счастью, такое изобретение, как банковская карта, значительно упростило этот процесс. После этого наши гости подпишут документы, окончательно закрепляющие совершенную сделку, и вот тогда они уже полностью в вашем распоряжении. Впрочем, ювелиры, думаю, освободятся раньше. Но, насколько я понял, вы хотели бы пообщаться и с самим господином Комаровым.

– Да, очень бы хотел, – совершенно искренне ответил Гуров.

– Вот поэтому я и постарался сориентировать вас с тем, когда он сможет освободиться.

– А вы не в курсе, что случилось с третьим экспертом, который был здесь вчера? – просто душно поинтересовался Лев. – Аркадий Шульц, если я ничего не путаю? В отличие от вас, я не могу заменить его Максимом Шапошниковым.

– Да, для вас эти величины нельзя назвать взаимозаменяемыми, – улыбнулся Шурыгин. – Но, к сожалению, мне неизвестно, по какой причине Аркадий Яковлевич не отвечает на звонки. Может, что-то со здоровьем. Все-таки человек уже пожилой.

– Да, возможно.

Шурыгин говорил совершенно естественно, не показывая ни испуга, ни даже малейшего напряжения при разговоре о Шульце. Закинув эту «наживку», Гуров в очередной раз смог убедиться, что представители аукционного дома – последние, кого он стал бы включать в список подозреваемых.

Тем временем директор уже успел объяснить Комарову причины проведения повторной экспертизы и, вместе с ним и Литке, направился к еще одной двери, ведущей из вестибюля. За ними, не отставая ни на шаг, проследовал подтянутый молодой мужчина, рельефная мускулатура которого просматривалась даже сквозь классический пиджак.

– Это, я так понимаю, телохранитель? – провожая его глазами, произнес Гуров. – Он тоже имеет к камням непосредственное отношение?

– Как сотрудник господина Комарова, ответственный за его личную безопасность и сохранность имущества, – да, – не моргнув глазом, ответил Шурыгин. – Он находится рядом с господином Комаровым практически неотлучно. Насколько я понял, наш клиент нигде не появляется без охраны.

– Значит, вчера он тоже присутствовал в шоу-рум?

– Да, разумеется.

– Вы не сказали об этом.

– Не сказал? Хм... странно. Возможно, просто посчитал это само собой разумеющимся. Просто не заострил внимание. Приношу извинения, если это как-то негативно повлияло на ваше расследование. Но, думаю, еще не поздно все поправить. Ведь телохранитель господина Комарова сейчас здесь, так же, как и он сам. Так что, если это необходимо, вы можете побеседовать и с ним.

Уличенный в неточности показаний, Шурыгин ничуть не утратил кураж и продолжал говорить так же солидно и уверенно. Казалось, ничто в мире не сможет нарушить его спокойствие.

«Да, этот здесь точно ни при чем, – подумал Гуров. – Да и Комаров неколебим, как китайская стена. Похоже, он действительно пришел сюда лишь для того, чтобы вложить часть денег в очередной «актив». Значит – ювелиры. Что могло произойти там, в этой шоу-рум между Шульцем и этим парнем? Эпизод, занявший несколько секунд и повлекший за собой такие глобальные последствия. Ведь навряд ли они задержались надолго, это не осталось бы незамеченным. А сказано было ясно – «последними вышли из комнаты», а не «задержались в ней». Что можно сделать за несколько секунд? Сунуть в карман бархатный чехол с безделушками, бросить нечаянный взгляд... Остается только гадать».

– Послушайте, Павел, а почему у вас нигде нет видеокамер? – спросил он. – Если бы в вашей шоу-рум имелось видеонаблюдение, подобных проблем, как с исчезновением этих подделок, вы не имели бы в принципе. У вас солидное заведение, вы храните в этом здании немалые ценности. Казалось бы, видеоконтроль – первое, что должно прийти на ум, если думать о безопасности всего этого, а между тем...

– Да, но специфика нашей работы такова, что кроме соображений безопасности, мы должны учитывать и требования конфиденциальности. Многие наши клиенты избегают публичности, при закрытых аукционах часто случается так, что практически все стороны заинтересованы в том, чтобы не афишировалось, какой именно лот выставлен на продажу. Согласитесь, видеосъемка в подобных случаях может сослужить плохую службу. Я вам скажу даже больше – видеокамер у нас нет и в хранилище. Там установлены датчики движения и тепловые, но кто именно в данный момент находится внутри и какие предметы достает из сейфа, это нигде не фиксируется.

– Снова из соображений конфиденциальности?

– Да, именно так. Если вы обратили внимание, внутренняя структура нашего здания не слишком сложная, и в каждый конкретный его отсек можно попасть только одним путем. На этом пути видеоконтроль установлен. Камеры стоят в вестибюле и во всех коридорах, кроме того, у нас довольно приличный штат, так сказать, «живой» охраны. Приборами и людьми фиксируется каждый, кто заходит в здание, и если уж этого человека пропустили во внутреннюю зону, значит, ему вполне доверяют. У нас здесь не бывает случайных людей, поверьте. И то, что наша система охраны вполне эффективна, еще раз доказывается полным отсутствием прецедентов кражи и порчи аукционных лотов.

– А как же...

– Заметьте, – тут же перебил Шурыгин, догадавшись, что скажет сейчас Гуров. – Я упомянул об аукционных лотах, то есть предметах, которые планируется выставлять на продажу. И слова «полное отсутствие прецедентов» в данном случае вполне соответствуют действительности. А пропавшие дубликаты господин Литке, как вы сами понимаете, продавать не собирався. Строго говоря, мы вообще могли бы не беспокоиться о них. Тем более что я совсем не уверен, что пропали они именно в момент нашего совещания в шоу-рум. Но поскольку, как я уже неоднократно заявлял вам, дом очень щепетильно относится к своей репутации, мы посчитали нужным прояснить этот случай.

Шурыгин говорил складно и его компетентность, а также патриотичная приверженность «дому» не вызывали сомнений. Но Гуров предпочел бы вместо этой пространной и пламенной

речи просмотреть коротенькую, но гораздо более полезную для дела видеозапись. В отличие от собеседника, он был абсолютно уверен, что кража произошла именно в шоу-рум.

– А вот и наши эксперты, – радостно улыбнулся секретарь, увидев трех мужчин, выходящих из двери, за которой недавно скрылся Комаров. – Итак, что же показала повторная проверка? Никто никого не обманул? Все остались довольны?

– Да, разумеется. Бриллианты те же самые, что мы исследовали вчера. Даже скучно – никакого разнообразия.

В составе появившейся троицы был только один сравнительно молодой человек, двое других были джентльменами в возрасте. Один, седой как лунь, с печальным и безразличным лицом, казался придавленным каким-то непоправимым горем. Второй, у которого седина виднелась лишь на висках, картинно оттеняя черную шевелюру, наоборот, выглядел бодро, как после утренней физзарядки. Именно он ответил на вопрос Шурыгина.

– Позвольте представить вам – Дмитрий Абрамович Краснов, – отрекомендовал тот, обращаясь к Гурову. – Один из самых опытных столичных специалистов по части ювелирных украшений и драгоценных камней. Гуров Лев Иванович, – продолжил он рекомендации, обратившись уже к чернявому. – Полковник полиции, оперуполномоченный по особо важным делам. Он проводит дознание относительно того странного случая, что произошел вчера.

– А, это насчет подделок... – вполголоса проговорил Краснов.

Гуров заметил, что, когда Шурыгин называл его должность и звание, на лице Краснова мелькнуло выражение недовольства и досады. Уже в следующую минуту ювелир овладел собой, но Лев запомнил это мимолетное изменение мимики.

– Мне нужно будет побеседовать с вами, – сказал он, обращаясь к Краснову. – Я опрашиваю всех, кто находился вчера в шоу-рум. Если вам удобно, мы могли бы поговорить прямо сейчас. Думаю, это не займет много времени.

– Нет, сейчас это невозможно, – не раздумывая, тут же ответил Краснов. – У меня назначена важная встреча, я, к сожалению, тороплюсь.

– Хорошо, давайте договоримся на другое время. Когда вы сможете подойти ко мне в кабинет?

Досада, вновь отразившаяся на лице Краснова, ясно свидетельствовала, что разговаривать в кабинете ему хочется еще меньше, чем прямо сейчас в аукционном доме. Но отступить было поздно. Немного подумав, он сообщил, что готов явиться завтра к одиннадцати утра, после чего сразу же поспешил к выходу.

Приблизительно та же история повторилась с его седовласым коллегой. Федор Трофимович Шаповалов, как представил его Шурыгин, по-видимому, не обладал выдающейся силой духа, и вместо досады во все время разговора с представителем «органов» с лица его не сходил почти не скрываемый испуг. Он пообещал, что придет в двенадцать, и тоже стал прощаться.

– Ну, а мои «показания» вас, наверное, не интересуют, – с улыбкой проговорил самый молодой из экспертов.

– Нет, почему же, – с готовностью ответил Лев. – Если вам есть что сообщить по поводу пропажи дубликатов господина Литке, рад буду побеседовать с вами.

– Увы! Сам только сегодня узнал об этой истории. Честно говоря, все это больше смахивает на анекдот. Ума не приложу, кому бы могли понадобиться эти стекляшки.

– Да, случай странный.

Тем временем дверь, за которой недавно скрылись продавец и покупатель, в очередной раз открылась, и в вестибюле вновь появились Литке и Комаров. Немец сиял от удовольствия, Комаров был серьезен и сосредоточен, как будто только что совершенная сделка была не итогом всего предыдущего, а лишь началом некоего сложного этапа работы. В руке он держал миниатюрный чемоданчик с бриллиантами.

Литке, рассыпая улыбки и комплименты, стал прощаться, а Гуров попросил Шурыгина, чтобы тот как-нибудь незаметно отвел в сторонку Комарова «на пару слов». Пока иностранный гость общался с директором аукционного дома, секретарь подошел к Комарову и проговорил что-то ему на ухо, кивнув на Гурова.

Тот бросил на полковника пронзительный взгляд и что-то коротко ответил.

– Геннадий Евгеньевич готов поговорить с вами, если это не займет много времени, – сказал Шурыгин, вновь подходя к Гурову. – Скоро у него важная встреча, он не может надолго задерживаться.

– Передайте Геннадию Евгеньевичу, что, если сейчас ему разговаривать неудобно, он может подойти ко мне в кабинет в более подходящее для него время, – спокойным тоном произнес Лев.

Шурыгин вновь направился к Комарову, который уже обменивался прощальными рукопожатиями с Литке, и склонился к его уху. На сей раз беседа продлилась несколько дольше, и к ней даже подключился директор.

Итог Гурова вполне устроил.

– Вы можете пообщаться в кабинете Юрия Сергеевича, – подходя к нему, проговорил Шурыгин. – Геннадий Евгеньевич готов ответить на ваши вопросы.

– Отлично! Рад, что нам удалось достигнуть взаимопонимания.

Литке ушел, поздравляющие и сопровождающие тоже начали расходиться, и вскоре вестибюль опустел. Наконец-то Шурыгину удалось представить полковнику Комарова, который, как главная звезда торгов, ни на секунду не оставался без внимания со стороны.

– Прошу вас, проходите, – показал секретарь на одну из дверей, ведущих из вестибюля. – Юрий Сергеевич будет рад предоставить свою территорию для вашего разговора.

Проходя по знакомому коридору, Лев исподволь бросал на Комарова изучающие взгляды и заметил, что тот так же посматривает на него самого. Противник на сей раз был достойный, и «обходные маневры» в разговоре с ним использовать не стоит. Они сразу будут разгаданы и могут привести к негативным результатам, понял Гуров.

– Вы запомнили момент, когда господин Литке демонстрировал копии бриллиантов? – спросил он у Комарова после того, как они устроились в директорском кабинете.

– В общих чертах, – ответил тот. – Мое внимание было сосредоточено на настоящих камнях, подделки не вызвали особого интереса.

– Пожалуйста, опишите, как все происходило. То, что запомнилось вам.

Рассказ Комарова оказался гораздо менее подробным, чем рассказы предыдущих опрашиваемых. То ли из-за того, что и впрямь не обращал особого внимания, то ли из-за того, что просто не хотел говорить, но он не только не сообщил ничего нового, но даже пропустил многие детали, которые Льву были уже известны.

Внимательно наблюдая за собеседником, он все больше убеждался, что тот, как говорится, очень непрост. Если Комаров и был как-то замешан в исчезновении поддельных бриллиантов, того, что самолично выдаст себя, ожидать явно не стоило.

– Если не секрет, что вы планируете делать с камнями? – спросил Гуров.

– Пока ничего. Это просто вложение средств, как и любой другой финансовый или материальный актив.

– А если этот актив возрастет в цене? Будете продавать? Или камни для вас имеют ценность как исторический раритет тоже? Если я правильно понял, у коллекции богатая предыстория.

– Да, камни знамениты. Пока я не планирую продавать их. Конечно, если цена резко возрастет... возможно, я рассмотрю подобную альтернативу. Но это маловероятно. Рынок драгоценных камней очень инертен, резких колебаний здесь практически не бывает.

– Для помещения капитала это, наверное, хорошо.

– Да, весьма.

После не особенно продуктивного разговора с Комаровым Гуров попросил его прислать для беседы телохранителя.

– Это зачем? – нахмурился тот.

– Если я правильно понял, вчера он тоже присутствовал в шоу-рум. Чтобы составить ясную картину происшедшего, я должен опросить всех, кто был там, – тоном, не допускающим возражений, ответил Гуров.

– Хорошо, – после небольшой паузы согласился Комаров, всем своим видом показывая, что недоволен.

Он достал телефонную трубку и, набрав какой-то номер, коротко проговорил:

– Сергей, зайди.

Дверь тут же открылась, и в кабинет вошел подтянутый парень, всюду сопровождавший Комарова.

– Проходи, садись, – продолжал строгий босс. – Это – из полиции. По поводу пропажи подделок. Ты должен рассказать, что было вчера в шоу-рум.

– Если позволите, я предпочел бы сам задавать вопросы, – прервал Гуров этот поток распоряжений.

– Да, конечно, – снисходительно бросил тот. – Мое присутствие, как я понимаю, нежелательно?

– По правилам опрос должен проводиться тет-а-тет.

– Ну да, как же иначе, – слегка усмехнулся Комаров. – Сергей, я буду в машине.

Он вышел, а молодой темноволосый мужчина обратил к Гурову серьезный и спокойный взгляд. Сейчас в нем читался вопрос.

Телохранитель Комарова оказался самым немногословным из всех собеседников полковника. В ходе разговора с ним Гуров надеялся разрешить свои сомнения относительно того, причастен ли Комаров к похищению подделок, а также к убийству Шульца. Если инициатива исходила от бизнесмена, не было бы ничего удивительного, если бы исполнение он поручил своему подчиненному. Особенно учитывая, что этот Сергей, похоже, находился при нем неотлучно, а значит, был достаточно близким человеком, которому босс мог доверить и деликатное поручение в том числе. Но расчеты эти не оправдались.

Сергей был серьезен, сдержан, закрыт и абсолютно спокоен. Какие бы вопросы не задавал Гуров, ни в выражении его лица, ни в поведении ничто не указывало на волнение или тем более страх.

– Если я правильно понял, из шоу-рум вы вышли одним из последних? – спросил Лев.

– Да, я и еще один пожилой мужчина, – спокойно ответил Сергей. – Кажется, эксперт.

– Вы не были знакомы с ним?

– Разумеется, нет. Из присутствующих я знал только господина Литке, он летел с нами в самолете из Петербурга.

– В поведении этого пожилого мужчины, когда он выходил, вы не заметили ничего странного?

– Нет, ничего.

Разговор с Комаровым и его телохранителем оставил у Гурова двойственное впечатление. С одной стороны, повторная экспертиза подтвердила подлинность камней, и это, казалось бы, доказывало, что бизнесмен к краже подделок непричастен. Нет мотива. Но, с другой – Комаров явно был не так прост, чтобы выдать себя на следующий же день после совершения этой странной кражи, и, вполне возможно, он задумал многоходовую комбинацию. Так что

вычеркивать его из списков пока рано. И все же теперь главным направлением работы становились ювелиры.

Помня, что «наводку» на Шульца дал ему Самойлов, Гуров решил, что он может знать что-то и об остальных двух экспертах, принимавших участие во вчерашних консультациях.

Кроме того, как человек, лично знавший Шульца и, похоже, последний, кто видел его живым, он мог сообщить что-то полезное и об этом убийстве.

Выйдя из здания и сев за руль, Гуров достал телефонную трубку.

– Андрей, ты сейчас очень занят? Нужно поговорить.

– Говори, Лев, без проблем. Для тебя я всегда свободен.

– Нет, не по телефону. Нужно встретиться.

– Что-то серьезное? – Голос Самойлова зазвучал тревожно. – Надеюсь, это не связано с нашим уважаемым Аркадием Яковлевичем? Никак не могу забыть, в каком он был волнении в тот день.

– Да, и с ним тоже. И много еще с чем. Об этом лучше при встрече. Скажи, когда и где, я подъеду.

– Если тебе удобно, приезжай в магазин. Тот, где вы были с супругой. Я сейчас тоже стартую туда, нужно посмотреть текущую отчетность. Буду рад тебя увидеть.

– Хорошо, еду.

Через полчаса Гуров входил в знакомый, блистающий драгоценностями зал. Скучающие в отсутствии клиентов продавщицы сразу оживились, увидев «покупателя», но полковник быстро их разочаровал.

– Я к хозяину, – сказал он. – Андрей Петрович на месте? Передайте ему, что приехал Гуров.

Одна из девушек скрылась за дверью, ведущей во внутренние помещения, и вскоре появилась вновь, уже в сопровождении Самойлова.

– Здравствуй, Лев! – приветствовал он гостя. – Проходи. Поговорим у меня в кабинете.

Самойлов откинул деревянную столешницу, служащую продолжением витрин, и Гуров оказался по ту сторону «сказки».

Следом за хозяином он вошел в заветную дверь и оказался в небольшом коридоре. В конце его находилась еще одна дверь, и, открыв ее, Самойлов пригласил его в кабинет.

Комната была обставлена неприметно, но в ней имелось все, необходимое для работы. Компьютер, факс, принтер, шкаф для папок с документами и обязательный электрический чайник.

– Присаживайся, – пригласил Самойлов, указав на одно из кресел, стоявших возле стола. – Так, значит, Шулец и правда хотел сообщить что-то важное? По телефону ты сказал, что твое дело как-то связано с ним. Вы встречались?

– К сожалению, нет. К моменту, на который была назначена наша встреча, Шулец был уже мертв.

– Мертв?! – От изумления у Самойлова глаза полезли на лоб. – То есть... в каком смысле?

– В прямом. Его нашли убитым в собственной квартире. Убитым пулей из снайперской винтовки, пущенной, по всей видимости, с довольно приличного расстояния. Выстрел был прицельный, что указывает на работу профессионала. Как по-твоему, кому мог насолить безобидный пенсионер, подрабатывающий консультациями, причем так сильно, что наняли очень недешевого профессионального киллера?

– Ну, Лев, это ты... Это ты просто меня сразил! Шулец – убит! Да это... это просто... Да у меня это просто в голове не укладывается. Кому он мог насолить... Да никому! Никому абсолютно. Тишайший, скромнейший, порядочнейший старичок. «Божий одуванчик». Он даже из

ремесла из этого своего, где только ленивый не «мухлевал», даже из него никогда не извлекал никаких «левых» выгод. Другие-то, его «коллеги» так называемые, кажется, и душу продать готовы, только бы навар был побольше. А этот – нет. Не человек – кристалл. Я же говорил тебе – старая школа.

– Ты сейчас про «левые выгоды» упомянул, – сразу ухватился за ниточку Гуров. – Нельзя ли об этом поподробнее? Как можно извлекать их, занимаясь ювелирным ремеслом, с чем здесь можно «мухлевать»? Просвети меня, недалекого. Мне в таких тонкостях самостоятельно не разобраться, сам понимаешь.

– С чем можно «мухлевать»? Да, практически, со всем! Особенно, если имеешь дело с теми, кто, как ты сказал, не разбирается в тонкостях. Даже на экспертизе можно неплохо заработать, если не страдаешь особой щепетильностью. Например, захотелось кому-то продать фамильные драгоценности. Для оценки стоимости подобных вещей, как правило, назначается экспертиза. И тут продавцу главное – не зевать. Ему ведь хочется продать подороже, так что, если эксперт сговорчивый, то официально подтвержденная цена украшений будет несколько выше, чем реальная. Взять хотя бы те же драгоценные камни. Они ведь бывают очень разного качества, и разбирается в этих тонкостях далеко не всякий. Стоит немного зависить коэффициент чистоты, не заметить микроскопических трещин, и вот уже средненький, в полкарата бриллиант становится неоценимым сокровищем. И это – только оценка. А если ювелир берет заказы на изготовление изделий, тут возможностей для «маневра» масса. Было бы желание.

– Но Шульц, если я правильно понял, подобными вещами не занимался?

– Он – нет. Я уже сказал, и еще сто раз могу повторить – репутация Аркадия Яковлевича абсолютно безупречна.

– А ты можешь назвать тех, кто не имеет такой безупречной репутации? Ведь подобных специалистов, наверное, не так много, а ты, как человек, вращающийся в этих сферах, должен знать внутреннюю кухню.

– Ты слишком хорошо обо мне думаешь, – улыбнулся Самойлов. – Кое-кого я знаю, конечно, но далеко не всех. В этих, как ты сказал, «сферах» ценится постоянство в контактах, впрочем, как и везде, наверное. Какой смысл перескакивать с одного на другое и постоянно менять партнеров? У меня есть сложившийся круг, организации и лица, с которыми я стабильно сотрудничаю, и изменения в этом списке довольно редки.

– Хорошо, попробую облегчить тебе задачу. Меня интересуют две конкретные фамилии – Краснов и Шаповалов. Можешь что-нибудь сказать о них?

– Об этих могу, – нахмурившись, кивнул Самойлов. – Шаповалов, в целом, нормальный дядька. Тесно я с ним не работал, пересекался всего пару раз, но впечатление он на меня произвел вполне положительное, да и от коллег отзывы тоже неплохие. Но вот Краснов – тот еще фрукт.

– Правда? – Гуров наострил уши. – Что, любит «левые выгоды»?

– Еще как любит. У него, можно сказать, уже определенная репутация сложилась. Если кому-то нужна «лояльная» оценка – смело может идти к Краснову, не прогадает. Я тебе даже больше скажу, у меня есть подозрения, что и в том наезде на меня он тоже участвовал.

– То есть? – удивился Лев. – Среди фигурантов такой фамилии, кажется, не было.

– Само собой. Не такой он дурак, чтобы высвечиваться в «фигурантах». Но в том, что он этих фигурантов консультировал, я почти уверен. Помнишь, среди прочего мне какие-то «левые» обвинения в торговле подделками предъявляли? А ведь доказать, что вещь – подделка, можно только с помощью экспертизы. Отсюда и выводы. «Правильный» эксперт и уменьшить реальную стоимость украшения может с таким же успехом, как и зависить.

– Это понятно. Но почему ты думаешь, что эту экспертизу проводил именно Краснов? Просто потому, что он «нечист на руку»?

– Не только поэтому. Он тесно сотрудничает с «Ювелир-мастером», это организация, которая занимается изготовлением золотых украшений. Она до недавнего времени – как раз до того «наезда» – была в списке моих поставщиков, и украшения, по которым мне предъявили претензии, пришли именно оттуда. Вот я и подумал...

– Минуточку. Ты хочешь сказать, что этот Краснов рискнул официально поставить под сомнение репутацию фирмы, с которой он, как ты сам же сейчас сказал, «тесно сотрудничает»? А он не побоялся, что после этого сотрудничество сразу закончится? Или у него такой длинный список партнеров, что одним больше, одним меньше – не имеет значения?

– Почему же? Наверное, имеет. Но кто же будет сообщать им, что под сомнение их репутацию поставил именно Краснов? Да даже если и так. Даже если они знали, не думаю, что от этого у него могли возникнуть большие проблемы. Больше того, здесь вполне мог быть сговор. Ведь главной целью всего этого было доказать именно мою недобросовестность, а вовсе не испортить репутацию «Ювелир-мастера». Кто мешал представить дело так, что, мол, из фирмы-то пришли изделия настоящие, а на витрине оказались подделки. Кто подменил – разумеется, яснее ясного. А поскольку и эксперт, и производитель – давние друзья, организовать подобную историю им было бы очень удобно.

– Но кое-кто все-таки помешал, и ничего они не организовали, – многозначительно проговорил Лев.

– Да, спасибо тебе. Благодаря твоей оперативной реакции там даже до повторной экспертизы не дошло, как говорится, еще на входе удалось доказать беспочвенность всех этих заявлений. А то совсем заклевали бы меня упыри эти. Но, как бы там ни было, с «Ювелир-мастером» я больше не работаю. Хоть и не возникла тогда эта фирма в качестве официального фигуранта, но я свое решение принял. Не надо. Обойдусь как-нибудь. У меня с поставщиками проблем нет.

– Поддерживаю. Если люди склонны к участию в подобных аферах, работать с ними не стоит. Что еще знаешь о Краснове?

– Да не так много, в общем-то. Сам я с ним не работал, могу судить только по отзывам. Знаю, что он довольно активно сотрудничает с компаниями, специализирующимися на интернет-продажах, а уж как там «нахлобучивают», об этом можно просто легенды слагать.

– А что, драгоценности можно приобрести и по интернету?

– Конечно. Как и все остальное. Виртуальные площадки сейчас очень активно осваиваются торговцами, интернет-аукционы процветают. Вот только для покупателей это, как правило, повышенный риск.

– В том числе и из-за экспертов типа Краснова?

– Да, в том числе и поэтому. А почему он тебя заинтересовал? Это как-то связано со смертью Шульца?

Прежде чем ответить, Гуров на минуту задумался. Ему не хотелось раскрывать все карты, тем более что и сам он пока не имел четкого представления, связан ли Краснов со смертью Шульца или нет.

Из того, что рассказал ему Самойлов, действительно можно было вывести предположение о подобной связи. Коллекция, приобретенная сегодня Комаровым, стоила очень недорого, а стоимость эту определяли эксперты. Среди которых был и Краснов. Он – человек с уже сложившейся репутацией «лояльного», его коллега Шаповалов – пуглив и зашуган, наверняка договориться с ними было нетрудно.

Если аукционисты по каким-либо причинам хотели выдать не совсем идеальные камни за абсолютно идеальные, проблему здесь мог представлять только «безупречный» в своей добросовестности Шульц. Если реальное качество «Фамилии» было ниже заявленного, и Шульц заметил эту «необъективность» в оценке, то тогда...

Тогда придется признать, что его убийство никак не связано с кражей подделок.

– Пока не знаю, есть ли здесь связь, – наконец произнес Лев. – Но Краснов работает в том же бизнесе, и недавно он пересекался с Шульцем. Послушай, а тебе известно что-нибудь про коллекцию под названием «Фамилия»? Три бриллианта, изготовленные из одного алмаза, какой-то там просто невероятной каратности.

– «Фамилия»? Да, эти камни есть в каталогах. Они довольно часто демонстрируются на выставках, хотя самому мне пока не довелось полюбоваться. Насколько я знаю, сейчас коллекцией владеет кто-то из зарубежных граждан. Хотя изначально алмаз был добыт именно в России, и первый владелец бриллиантов – наш соотечественник.

Гуров не стал говорить Самойлову, что у него уже несколько устаревшая информация, иначе пришлось бы рассказывать всю историю про аукцион, а это пока не входило в его планы. Вместо этого он спросил:

– А что по поводу качества этих камней? Как его оценивают?

– Довольно высоко. Цвет F и чистота Flawless – почти идеал.

– Очень верю. Но не забывай, что сам я – парень простой, деревенский, и в этих ваших обозначениях – как в темном лесу. Ты не мог бы расшифровать то, что сейчас сказал?

– Да, извини. Разумеется, ты не обязан знать наши внутренние технические термины. D, E и F – это самые лучшие цвета для белых бриллиантов. То же самое относится к чистоте Flawless. Это означает – «без изъяна». Таким образом, речь идет о высших характеристиках, и «Фамилия», как я уже сказал, вполне им соответствует.

– А это можно как-то проверить?

– Разумеется. На то и существует экспертиза.

– И проводят ее такие, как Краснов? – с иронией проговорил Гуров.

– Нет, нет, нет! Это ты, пожалуйста, не путай. Здесь речь идет не о коммерческом объекте. «Фамилия» – музейный раритет. И экспертиза этих камней проводилась неоднократно самыми разными людьми и даже в разных странах. Кроме того, в подобных случаях для объективности обычно приглашают не одного, а нескольких экспертов. Так называемых нюансов здесь быть просто не может. Да никто и не заинтересован в них. Коллекция слишком известна. Так что тут хоть сотню Красновых призови, они уже не испортят дело.

– Вот оно что. Значит, все же остаются ценности, с которыми такие «лояльные» парни не смогут мухлевать?

– К счастью, да.

Возвращаясь в Управление, Гуров вновь раздумывал о новой информации, которую узнал от Самойлова.

Теперь он уже не сомневался, что версия, сложившаяся у него в ходе этого разговора, не состоятельна. Шульца не могли убить из-за того, что он заметил необъективность в оценке камней. Просто потому, что подобная необъективность в данном случае была невозможна в принципе. Несколько раз проверенное и перепроверенное качество камней, входивших в «Фамилию», наверняка ни у кого не вызывало сомнений, и экспертиза, проведенная перед аукционом, скорее всего, была не более чем формальностью.

Кроме того, если бы причиной убийства Шульца оказались «нюансы» с экспертизой, здесь были бы замешаны и представители аукционного дома и Литке, а в их поведении ничто не выдавало тайной тревоги. Аукционисты демонстрировали лишь чувство глубокого удовлетворения от успешной и выгодной сделки, а Литке и вовсе сиял от счастья, явно не испытывая никаких внутренних противоречий.

Эти люди наверняка непричастны, и гораздо логичнее было бы предположить, что они даже не знают о трагедии, произошедшей вчера.

Но, несмотря на все эти доводы, мысль о Краснове никак не выходила из головы Гурова. Слишком уж много было совпадений.

Он хорошо помнил, что одним из четырех претендентов на покупку бриллиантов была та самая фирма «Ювелир-мастер», о которой упоминал Самойлов. И тот факт, что один из экспертов тесно сотрудничает с ней, заставлял насторожиться.

«Как все это может быть связано? – ломал Лев голову, медленно передвигаясь в пробке. – Кража подделок, убийство Шульца, недобросовестность Краснова и компания, производящая украшения. Они хотели вставить стекляшки в оправу и выдать за подлинные бриллианты? Продать их на интернет-аукционе? Или заставить поучаствовать в нем самого Комарова, посулив нереальную прибыль? Заставить его вытащить камни из хранилища и между делом подложить вместо них стекляшки. Но зачем тогда убивать Шульца? Как он мог помешать этому плану? Ведь если Комаров – предполагаемая жертва в этой игре, значит, его телохранителю незачем было красть подделки. Следовательно, Шулец ничего не мог заметить, и его не за что было убивать. Или украл сам Шулец? А телохранитель заметил, да и пристрелил его для вразумления, чтобы неповадно было. Черт знает, что за дело! Вот тебе и «формальное дознание». Того гляди, мозги плавиться начнут от этого «пустячка».

Кроме сложностей с формулировкой правдоподобных версий, в происшедшем был еще один важный факт, который смущал полковника.

По всем признакам кража поддельных камней выглядела спонтанной, трудно было предположить, что она явилась следствием некой продуманной стратегии. Никто не мог гарантировать, что Литке захочет продемонстрировать дубликаты. Даже то, что они окажутся у него при себе, можно было утверждать лишь предположительно.

Поэтому заранее строить какие-то планы с расчетом на кражу подделок было проблематично. Скорее всего, мысль о краже возникла в голове у вора в тот самый момент, когда он увидел камни. Что это могло означать? Только одно – он заранее знал, как сможет их использовать. Знал без всяких продуманных стратегий и предварительных планов. Знал наверняка. Иначе не пошел бы на такой риск.

«Кто мог обладать таким знанием? – размышлял Гуров, подъезжая к Управлению. – Во-первых, конечно, Комаров. Как будущий наиболее вероятный владелец подлинников, он наверняка представлял себе, чем ему окажутся полезными дубликаты. Только вот на мелкого мошенника он как-то не очень похож. Имея миллиардное состояние, «мухлевать» с подделанными бирюльками? Нет. Не солидно. Тогда – ювелиры? Да уж, эти смухлюют «на раз». Но что такое они могли знать заранее, чтобы так смело воровать подделки? Почему были уверены, что труд не пропадет даром, что риск оправдан? И почему последним из комнаты выходил именно Шулец. Он – вор? Не «лояльный» Краснов, не пугливый Шаповалов, а Шулец – самый честный и самый безупречный во всем цехе? Нет, это просто, черт знает, что за дело!»

В досаде на то, что так и не удалось прийти к каким-либо внятным выводам, Лев поднялся в кабинет.

Глава 4

Дверь была не заперта, и, открыв ее, Гуров увидел сидевшего за столом Стаса. Он разбирал какие-то бумаги, то и дело поглядывая на часы. Рабочий день близился к концу.

– Вот он, пропащий! – бодро приветствовал Стас появившегося в дверях друга. – А я уж думал, что сегодня свидеться нам не судьба.

– Мог ли я уйти, не попрощавшись? Ночь бы не спал.

– Как трогательно! Не иначе, придется уронить скупую мужскую слезу.

– Потом уронишь. Что там по убийству? Нарыл чего-нибудь интересного? – перешел к делу Лев.

– По какому именно убийству? Думаешь, у меня одно?

– То, которое у нас на двоих, точно одно.

– Ты про ювелира?

– Про него, родимого.

– Там пока немного. Ездил сегодня на место, осмотрелся поподробнее. Одна девятиэтажка стоит прямо напротив дома, где проживал Шульц. Лицом к лицу, так сказать. Разве что расстояние большое, а по всем остальным параметрам местечко для снайпера – лучше не придумаешь.

– Техэтаж имеется?

– Само собой. Дом старый, за подъездами, похоже, никто особенно не следит. На всех этих технических помещениях, типа подвалов и техэтажей, замки навесные, больше для виду. Двери все «на соплях». Я за ручку дернул, она вместе с этой железякой отошла, в которой петля для замка. Но внутри так вроде прилично, на то, что бомжи проживали, не похоже. Так что, вполне возможно, киллер первый туда таким способом проник. Помещение пустое, из мебели – только обломки штукатурки и пыль. И посреди этой пыли дорожка протоптана, прямехонько к оконцу.

– А из оконца сказочный вид на окно ювелира?

– Угадал. На подоконнике тоже, так сказать, следы присутствия, но конкретного ничего нет. Поскольку дом старый, в технических помещениях никакого пластика и герметизации. Все рамы деревянные, похоже, еще советских времен, прекрасно открываются и закрываются на шпингалет.

– То есть разбивать стекло не понадобилось?

– Рад, что ты следишь за моей мыслью. Экспертов я, конечно, привлек, они там все, что только можно, порошком этим своим для отпечатков обмазали. С подоконника тоже пыльцы наскребли. Дескать, чем черт не шутит, вдруг какой-никакой генетический материал здесь осел. Но, если честно, я больших надежд на это не возлагаю. Парень был явно не дурак, кроме разметанной пыли ничего после себя не оставил, так что и об отпечатках, наверное, лучше сразу забыть.

– А что по оружию?

– Да тут еще меньше. Когда из оконца смотрел, еще раз убедился, что применялась хорошая современная оптика. Из двустволки с такого расстояния в лоб не попадешь, это точно.

– А что, дырка – прямо во лбу?

– Почти. Чуть ниже, между глаз ему пуля угодила, раздроблена переносица, ну и глаза, соответственно... в куче, можно сказать.

– Шутник ты у нас. Представь, что было с его дочерью, когда она это увидела.

– А кто шутит? Никто и не шутит. Это я просто стараюсь кратко и образно донести до тебя суть дела. Ты сам-то чем богат? Хвастайся.

– Да тоже пока не густо. Чем больше узнаю подробностей этого дела, тем больше оно запутывается.

– Значит, с подозреваемыми пока никак? У кого мне ружье-то искать?

– Ишь ты, быстрый какой! С момента убийства всего лишь день прошел, а ему уже скажи, где ружье. Орудие убийства – твоя задача, помнишь, как мы договаривались?

– Ну, это когда было. Кстати, по поводу момента убийства. Забыл тебе сказать – эксперты закончили с трупом, установили, что Шульц умер около семнадцати часов. Это, конечно, не с точностью до секунды, но все-таки. Какой-никакой, а ориентир.

– Да, пожалуй. Думаю, это еще раз доказывает спонтанность всего мероприятия.

– Убийство с нанятым профессиональным киллером – спонтанное?

– А почему нет? Заметь, ты сам сейчас сказал: «нанятым». Это – ключевое слово. Такие вещи решаются размером суммы, и человек, у которого эти размеры неограничены, соответственно, может решить проблему «на раз».

– Например, такой человек, как Комаров? – заметил Стас.

– Возможно. Конечно, стандартная схема подобных преступлений предполагает предварительную подготовку. Но, в сущности, чтобы получить все то же самое, но гораздо быстрее, нужно лишь побольше заплатить. Вспомни, ты ведь и сам сразу же сориентировался в обстановке. С первого взгляда определил, откуда стреляли, отметил самое удобное место. Что уж говорить об опытном снайпере, у которого глаз на подобные местечки, как говорится, заточен.

– Думаешь, в тот же день решили, в тот же день и исполнили?

– Не сомневаюсь. Пока, конечно, еще очень многое неясно, но я больше чем уверен, что кража этих стекляшек и убийство Шульца как-то связаны. Вспомним, как развивались события. Вся компания прибыла из Петербурга в «Diamond» около девяти утра. В одиннадцатом часу дебаты у них закончились и к этому моменту подделки уже находились у вора. После этого чем-то донельзя расстроенный Шульц сразу же отправился к Самойлову. Часов в двенадцать Самойлов позвонил мне, а в три я разговаривал с Шульцем. Где он мог в это время быть? Скорее всего, дома. Разговор был, что называется, «интимный», и если бы он на тот момент находился среди посторонних, например, на какой-то еще консультации, то отошел бы куда-нибудь в сторонку.

– И ты, как собеседник, конечно же, об этом бы знал...

– Рад, что ты следишь за моей мыслью. Но ничего такого не произошло. Он был испуган и неуверен, но говорить начал сразу. Отсюда – вывод. И скорее всего, все остальное время до нашей встречи он намеревался тоже провести в своей квартире. Он ведь боялся чего-то, так какой же смысл разгуливать по улицам?

– Однако достали и дома.

– Увы! И если посчитать, сколько времени прошло от того момента, когда Шульц вышел из аукционного дома, и до того, когда он был убит, сразу станет ясно, что времени у этих «доставших» было вполне достаточно.

– «Достаточно доставших», – передразнил Стас.

– Иди к черту! Я тебе о серьезных вещах говорю, а ты все с приколами со своими. У убийцы в распоряжении было полноценных шесть часов, чтобы шепнуть кому следует адресок, этого хватает с избытком.

– А винтовка? Ее ведь тоже надо где-то взять.

– Не думаю, что для такого случая оружие покупали специально. Скорее всего, использовалось что-то, уже имеющееся в чьем-то «арсенале».

– Остался пустячок, узнать – в чьем.

– Да уж. Но что касается подозреваемых, тут, похоже, две главные линии, те же, что и раньше.

– Ювелиры и Комаров?

– Именно. Всем остальным, кто в тот день присутствовал в шоу-рум, по большому счету, не было никакого дела ни до этих стекляшек, ни до самого Шульца.

– А сколько их там было, кстати? Я как-то не уловил.

– Всего девять. Три ювелира, Комаров с охранником, Литке с переводчиком, директор и секретарь.

– Последние два, видимо, отпадают сразу? – проговорил Стас. – Уже одно то, что все произошло на их территории – неопровержимое свидетельство непричастности. Кто же решится по собственной инициативе устраивать у себя, так сказать, дома этакий анекдот.

– Да, ты прав. Но я бы сказал, отпадают даже не последние два, а последние четыре. Литке сразу же после торгов благополучно отбыл в Германию. Так что, даже если предположить, что

это он придумал нелепую шутку с кражей стекляшек у самого себя, здесь полностью отсутствует какой-либо внятный криминальный мотив. Все, что хотел получить от этой сделки, он, похоже, уже получил. И даже на возврате утраченного имущества в виде дубликатов камней не особенно настаивает.

– То есть и скандал его не интересует? Даже это – не мотив?

– Именно. Относительно внятных причин – полный ноль.

– А переводчик?

– Переводчик – «темная лошадка», но в его причастность к краже я плохо верю. Литке не говорит по-русски, а, если я правильно понял, общение в шоу-рум в тот день протекало довольно активно.

– Парень все время был занят переводом, не было времени стянуть стекляшки?

– Думаю, да. Он все время был на виду, все время что-то говорил, и голова его явно была наполнена мыслями, очень далекими от чехла с дубликатами камней. А уж о том, чтобы этот парень мог вот так вот запросто нанять киллера, думаю, и речи не идет. Не тот уровень. Даже близко не тот.

– Значит, остаются пятеро. Три ювелира и Комаров с охранником.

– Да. Ювелиры не могли действовать по одиночке, так как все, что сделал бы один, сразу бы заметили другие два.

– А по двое могли?

– Это возможно. И если «по двое» действовали Краснов и Шаповалов, а Шульц нечаянно эти действия обнаружил, то...

– То это – явный мотив, – закончил Стас.

– Именно. Что касается Комарова и телохранителя, тут еще проще. Начальник и подчиненный – что тут добавить? Один приказывает, другой исполняет. Его охранник последним вышел из комнаты вместе с Шульцем, и если тот заметил, как парень маневрирует с этим пресловутым чехлом, то тут снова явный мотив. Ну, и третья версия вытекает из этой же ситуации. Если все было наоборот, и не Шульц заметил что-то за парнем, а парень за Шульцем, то здесь, опять же, мотив налицо. Что именно там произошло, мы, конечно, пока не знаем, но если это было что-то совсем уж нехорошее, такое, что могло повлиять на предполагаемую сделку, Комаров вполне мог решиться и на устранение. Ведь, в отличие от нас, ему-то охранник наверняка доложил сразу же.

– Печальная закономерность, однако. И если Шульц при делах – он виноват, и если только видел того, кто при делах, – снова виноват он.

– Да, не повезло старику.

– Из этих возможных фигурантов ты с кем-нибудь уже разговаривал?

– С Комаровым.

– И как ощущения?

– Неоднозначные. И он, и охранник внешне абсолютно спокойны, на провокации не реагируют. Но в спокойствии этом чувствуется не расслабленность или умиротворенность, а, скорее, боевая готовность.

– Все только начинается?

– Может быть. Если инициатор всех этих запутанностей действительно Комаров, он не будет выдавать себя с головой, подменив бриллианты сразу же после их покупки. Не такой он дурак. А с другой стороны, такие, как он, всегда располагают информацией и ничего не делают просто так. Кто знает, может быть, он изначально покупал эти камни именно для перепродажи и, узнав о существовании подделок, тут же придумал какую-нибудь веселенькую махинацию.

– А сам он что говорит? Для чего покупал?

– Сам говорит, что исключительно для того, чтобы вложить деньги. Но как таковую возможность продажи не исключил. Дескать, если повысятся цены, тогда...

– Или найдется какой-нибудь гламурный дурачок, готовый переплачивать за «престиж», – внес свою лепту Стас.

– Или так. В общем, думаю, Комарова сбрасывать со счетов не следует. И очень надеюсь, что по его уважаемой персоне поработаешь именно ты. А я займусь ювелирами. Там тоже интересного много. Сегодня на аукционе они даже говорить со мной отказались. Некогда, видите ли, им.

– А ты бы их за шиворот, да в кутузку! – прорычал Стас, сделав зверское лицо.

– Была охота возиться. Сами придут. Завтра на утро назначил им randevu. Не захотели в приватной обстановке общаться, будет им официальный допрос в кабинете. Я тут кое-какие предварительные справки навел, разговор ожидается весьма интересный.

– Вот оно как. Значит, некоторая дополнительная информация нам все-таки еще светит? Не все ресурсы исчерпаны?

– Надеюсь, что нет. Расследование в самом начале, рановато пока на ресурсы жаловаться.

– Точнее, поздновато, – произнес Стас, взглянув на часы. – Снова я из-за тебя в передовики производства попадаю. Смотри, как заговорил, девятый час уже, а я все на работе тусуюсь, вместо того чтобы на свидании с красивой девушкой отдыхать. Хватит на сегодня ювелиров. Айда по домам!

– Айда, – согласился Лев. – Ты, главное, про Комарова не забудь. Меня на них на всех не хватит, у меня и кроме этого дела есть чем заняться. Хоть разорвись.

– Думаешь, у меня нет? – тут же парировал Крячко. – Нет дел в производстве? Да у меня, если хочешь знать...

– У тебя – дело по убийству ювелира. Так что с этими фигурантами, это я тебе, считай, дружескую помощь оказываю. Безвозмездную.

– Да? А у тебя – дело по краже стекляшек. Так что кто кому помощь оказывает, это еще большой вопрос.

– Конечно, я – тебе.

– Конечно, я – тебе.

Продолжая эти шуточные пререкания, приятели вышли на вечернюю улицу и с удовольствием вдохнули свежий весенний воздух.

– До чего хорошо! – проговорил Стас. – И кто ее только придумал эту работу? В такую погоду весь день в кабинете просидеть. Да это мазохизм просто!

– Не мазохизм, а сознательность и трудовая дисциплина, – нахмутив брови, важно заметил Гуров. – Бери пример, пока есть с кого.

На следующий день Краснов явился точно в одиннадцать, так что полковник даже удивился такой пунктуальности. В глубине души он сомневался, что тот вообще придет.

Поскольку Самойлов говорил о связи Краснова с фирмой «Ювелир-мастер», перед разговором с ним Лев решил посмотреть, что есть об этой организации в Интернете. Сенсационных сведений он не обнаружил, но одна деталь все-таки привлекла его внимание.

На сайте «Ювелир-мастера» имелись координаты и телефоны фирмы, а также приглашения к сотрудничеству для организаций, торгующих ювелирными изделиями. Кроме этого, там говорилось, что фирма может выполнить индивидуальный заказ, и именно это показалось Гурову наиболее интересным.

«Индивидуальный в каком смысле? – размышлял он. – Индивидуально отштамповать партию подвесок с надписью «8 марта» или индивидуально изготовить эксклюзивное и единственное в своем роде кольцо? Это две совсем разные индивидуальности. Для одной хватит и производственных мощностей, а для другой нужен опытный и умелый мастер. То бишь, ювелир. Уж не Краснов ли выполняет у них эти индивидуальные заказы?»

В свете последних происшествий на аукционе информация выглядела очень интересно, и Лев решил просмотреть сайты других ювелирных фирм, чтобы узнать, насколько традиционным является выполнение подобных «индивидуальных заказов».

В первую очередь зашел на страничку петербургской «Бижу» – второго производителя, претендовавшего на покупку «Фамилии». Но там об индивидуальных заказах ничего не говорилось.

Просмотрев еще несколько сайтов, он пришел к выводу, что предложение «Ювелир-мастера» является чуть ли не эксклюзивным. Большинство производителей ювелирных изделий ограничивались тем, что рекламировали собственные, уже имеющиеся образцы продукции, и максимум того, что они предлагали, – это «учесть пожелания клиента». Об индивидуальных заказах, как таковых, заявляли только две фирмы из тех, что нашел Гуров, – еще одна московская и расположенная в Нижнем Новгороде.

Выходило, что общепринятая практика работы фирм – изготовителей ювелирных украшений индивидуальных заказов не предполагает, и те, кто предлагает подобную услугу, возможно, преследуют не совсем корректные цели.

Гуров помнил, что Самойлов, описывая ему способы, с помощью которых могут «мухлевать» ювелиры, особо выделял как раз изготовление изделий по индивидуальным заказам. Связь «нечистого на руку» Краснова с фирмой, рекламирующей индивидуальные заказы, вполне могла указывать на подобный «мухлеж», процветающий под прикрытием солидной на первый взгляд организации.

В результате своих утренних изысканий полковник пришел к выводу, что побывать в фирме «Ювелир-мастер» ему просто необходимо. Предлог вполне законный, ведь фирма участвовала в торгах на пресловутом аукционе, а уж вывести разговор на нужную тему – дело техники.

Что касается остальных покупателей, их участие во всем этом «ювелирном криминале» представлялось сомнительным. Во-первых, и сотрудники «Бижу», и представитель музея прибыли из Петербурга, следовательно, как-то «разруливать» ситуацию в Москве им было неудобно и проблематично. Во-вторых, никто из представителей этих организаций не присутствовал в шоу-рум в момент кражи, а значит, и под подозрение попасть не мог.

Поразмыслив обо всем этом, Гуров пришел к выводу, что он на правильном пути, и что преступника следует искать в столице.

- Вызывали? – Дверь кабинета открылась, и в проеме показался Краснов.
- Приглашал, – вежливо уточнил Гуров. – Проходите, присаживайтесь.

Для «разминки» он решил расспросить Краснова о том, что происходило в шоу-рум, заранее готовый к тому, что придется поскучать. Но долго скучать не пришлось. Сославшись на плохую память и на то, что прошло уже много времени, Краснов лишь в общих чертах описал события, не останавливаясь на подробностях, которые, якобы, не запомнил.

– Мы все думали о том, как лучше расположить камни, как направить свет, чтобы можно было продемонстрировать все их великолепие. По крайней мере, лично мои мысли были сосредоточены только на этом, и что там происходит за пределами витрины, меня не особенно интересовало.

- Если не ошибаюсь, кроме вас в шоу-рум присутствовали еще два эксперта?

– Да.

- Вы были знакомы с ними раньше?

– Да, разумеется. Это Аркадий Шульц и Федор Шаповалов, мои коллеги.

- Они тоже были сосредоточены на процессе размещения камней?

– Да, мы все вместе активно обсуждали этот вопрос.

– Вы не в курсе, почему на повторную экспертизу был приглашен несколько иной состав экспертов?

– Нет, не в курсе, – все тем же безразличным тоном, за которым легко читалась неприязнь, проговорил Краснов. – Кого приглашать, решают аукционисты, так что я к этим вопросам не имею отношения. Кого пригласили, с тем и работал.

– Понятно. Наверное, за свою трудовую биографию вам пришлось поработать с очень многими лицами и организациями. Кажется, и один из потенциальных покупателей этих бриллиантов, фирма «Ювелир-мастер», тоже входит в список тех, с кем вам довелось сотрудничать.

Если при упоминании о Шульце на лице Краснова не промелькнуло даже тени беспокойства, то название ювелирной фирмы явно вызвало у него некоторое волнение. Он бегал глазами по сторонам, ерзал на стуле, нервно потирал руки, но все эти действия, кажется, не наводили на правильную мысль, и он молчал минуты две, соображая, как лучше ответить на вопрос Гурова, пока наконец не произнес:

– Кто вам это сказал?

– А что, это секрет? – ответил вопросом на вопрос Лев.

– Нет... – снова немного подумав, проговорил Краснов. – Просто я много с кем сотрудничаю, а с этой фирмой не так уж часто, так что... меня немного удивило, что вы выделили именно ее.

– В самом деле? А вы не могли бы перечислить, с какими еще из предприятий, производящих драгоценности, вы сотрудничаете?

– Ну... как... со многими, – мялся Краснов. – А, собственно, какое отношение все это имеет к краже тех стекляшек? Ведь вы, если не ошибаюсь, именно по этому поводу вызвали меня сюда?

– Да, именно по этому. Мне необходимо установить, кто мог быть заинтересован в том, чтобы присвоить подделки.

– Думаете, это я? – Во взгляде Краснова читалась неприкрытая издевка.

– В данный момент я просто собираю информацию. В том числе и о тех, кто на торгах выступал в роли покупателя. «Ювелир-мастер» входит в этот список, и вы, как человек, сотрудничающий с этой фирмой, возможно, могли бы рассказать о ней что-то интересное.

– Вряд ли. Я уже сказал, мы пересекались довольно редко, и ничего такого, как вы выразились, «интересного» я об этой фирме не знаю.

– Жаль. Я надеялся, что наше общение будет более конструктивным.

– Весьма сожалею, что не оправдал ваших надежд.

Помня, что на двенадцать часов назначена встреча с Шаповаловым, Гуров не стал форсировать события и устраивать Краснову «допрос с пристрастием». Но он прекрасно понял, что тот сотрудничает с «Ювелир-мастером» гораздо теснее, чем стремится представить.

«Послушаем, что скажут нам в самом «Ювелир-мастере», – думал он, выписывая Краснову пропуск, – а потом уж будем решать».

Едва лишь за Красновым закрылась дверь, в кабинете почти тотчас же появился Шаповалов, тоже оказавшийся весьма дисциплинированным гражданином. Ювелиры явно не хотели проблем с представителями ведомства, в котором работал Гуров.

Беседу с ним полковник тоже решил начать с событий в шоу-рум, но у Шаповалова память оказалась еще хуже, чем у Краснова.

– Не знаю, я... не помню, – испуганно озираясь, бормотал он. – Я был занят в это время, не следил.

– Кроме вас и господина Краснова в составе экспертной группы присутствовал Аркадий Шульц. Вы были знакомы с ним раньше?

– Да.

– Вы не в курсе, почему он не присутствовал на повторной экспертизе, уже после того, как состоялся аукцион?

– Нет, не знаю. Может быть, заболел. Или занят был. Не знаю.

– Кроме господина Комарова на коллекцию претендовали еще несколько покупателей. Среди них была московская фирма «Ювелир-мастер». Вам приходилось сотрудничать с этой организацией?

– Мне?.. Я... не знаю. Не помню. Я...

Бедный Шаповалов трясся от страха и не знал, куда девать руки, которые почему-то сразу стали ему очень мешать. Наконец он немного пришел в себя и уже спокойнее проговорил:

– Сотрудничать с этой организацией мне не приходилось.

– А что так вас взволновало? – участливо спросил Гуров. – С этим названием связаны какое-то негативные факты?

– Нет... просто... Вы так неожиданно спросили... а тут еще эта кража... Ведь неизвестно, кто их украл, эти подделки. Каждый думает, что подозревают именно его. Поэтому я волнуюсь.

«Догадывался, что могут спросить о чем-нибудь «неприятном»? – подумал Лев. – Именно для этого подготовил «отмазку»? Знал, что в определенном случае не сможет выдержать и выдаст себя? Или кто-то подсказал ему, что он не сможет? А заодно подсказал и то, что следует говорить, «если спросят». Случайно ли, что Шаповалов назначил время аккурат сразу же после Краснова? Не для того ли это сделано, чтобы более сильный духом коллега поделился ощущениями и дал нужные рекомендации, как следует себя вести? Похоже, с «Ювелир-мастером» ребята сотрудничают на пару. Только вот в чем суть этого сотрудничества?»

Думая об этом, он прекрасно понимал, что от самих ювелиров об этой сути точно не узнает.

Краснов, человек, по-видимому, более опытный в подобных делах, держался увереннее и хоть что-то отвечал. Но Шаповалов, подходящего опыта явно не имевший, демонстрировал лишь растерянность и испуг.

Чтобы драгоценное время не пропадало зря, Лев решил отпустить пугливого ювелира и наведаться в «Ювелир-мастер».

Анализируя свою не особенно содержательную беседу с Красновым и Шаповаловым, он выделил два довольно интересных момента.

Во-первых, ему уже в который раз пришлось услышать о том, что момент, когда Литке положил чехол с подделками в барсетку, ускользнул от внимания. Об этом упоминали все до единого, с кем он разговаривал, включая и самого Литке. Эта странная солидарность во мнениях могла говорить либо об общем сговоре, что выглядело бы полной нелепостью, либо о том, что все действительно были сосредоточены на настоящих камнях и эпизоду с демонстрацией дубликатов не придали значения.

А для того, чтобы незаметно присвоить футляр, лучшей обстановки, чем подобная невнимательность, нельзя и придумать. Вор находился там же, он полностью контролировал ситуацию и, улучив момент, сделал то, что ему было нужно. Вопрос только – зачем? И на этот вопрос ответа пока не было.

Вторым пунктом, весьма заинтересовавшим его, было полное равнодушие ювелиров при вопросах о Шульце и чрезвычайное волнение при вопросах о «Ювелир-мастере». Здесь была явная нестыковка.

Если афера с кражей состоялась по инициативе ювелиров, Шульц не мог остаться в стороне. Он обязательно входил бы в этот план, либо как соучастник, либо как нежелательный свидетель. И в этом случае убийство вполне логично связывалось со всеми предыдущими событиями. Шульца могли убрать или за то, что он сам оплошал, выполняя некое «секретное задание», или за то, что он некстати явился на сцену, когда это задание выполнял кто-то из заговорщиков.

Но при вопросах о Шульце эти самые «заговорщики» демонстрировали просто олимпийское спокойствие, и это вызывало у Гурова недоумение.

В очередной раз испытывая досаду от этого донельзя запутанного расследования, в котором он пока блуждал, как в лабиринте, Лев отправился в офис «Ювелир-мастера». Координаты фирмы он записал еще утром, когда просматривал сайты и теперь взял курс на Мытищи.

Офис и производственная база компании «Ювелир-мастер» располагались в одном здании. Подъезды хорошо охранялись, и, чтобы попасть на территорию, ему пришлось несколько раз предъявить удостоверение.

Казалось бы, трижды объяснив, кто ты такой и зачем сюда явился, можно было не беспокоиться о том, что тебя продолжат подозревать в диверсии, однако, войдя в здание, он вновь столкнулся с неусыпной бдительностью охраны.

– Вы к кому? – поднявшись с места, обратился к нему дюжий парень, дежуривший в стеклянной будочке возле турникета.

– К директору, – коротко ответил Гуров, в четвертый раз доставая из кармана удостоверение.

Парень посмотрел на фотографию, потом на полковника, потом еще раз на фотографию, затем внимательно прочитал все, что было написано в документе, после чего снова сравнил портрет и оригинал.

– Вам назначено? – поинтересовался он после всех этих процедур, похоже, еще не уверенный, стоит ли беспокоить начальство.

Гуров, уже порядком утомленный бесконечными идентификациями его личности, решил, что сейчас самое время рассердиться.

– Послушай, юноша, – пронзительно глядя в честные глаза парня, проговорил он. – Я тебе сейчас документик показывал, ты внимательно читал? Ты не в курсе, что это за профессия – оперуполномоченный уголовного розыска по особо важным делам? Или просто хочешь, чтобы я сам назначил твоему директору встречу у себя в кабинете, а тебя привлек за то, что ты препятствовал мне осуществить следственные действия?..

– Нет, я... Извините, я сейчас. Сейчас сообщу, что вы пришли. – Испуганный парень схватил трубку телефона внутренней связи и нервно стал тыкать в кнопки. – Ира? Тут... тут к Константину Васильевичу. Он сейчас у себя? Что? Нет. Нет, это по-другому делу. Из уголовного розыска. Полковник. Гуров. Гуров! Глухая ты, что ли?! Так у себя директор? Хорошо. Хорошо. Ладно.

Слушая этот монолог, Лев думал о том, что бдительному стражу, отмечавшему абсолютно каждого, кто входил или выходил из этого здания, вовсе не обязательно было специально интересоваться, у себя ли сейчас Константин Васильевич. Наверняка он знал, что директор на месте, и звонил лишь для того, чтобы предупредить и подстраховать от внезапного инфаркта.

Это лишь в очередной раз убедило его, что репутация фирмы не безупречна, и деятельность ее заслуживает пристального внимания.

– Второй этаж, направо, – вытянувшись в струнку, отчеканил охранник. – Там приемная, вы увидите надпись.

– Спасибо, заботливый мой. Турникет откроешь?

– А! Да! Сейчас! Сейчас, одну минуту. – Парень метнулся в свою будочку и нажал какую-то кнопку. – Проходите, пожалуйста.

Константин Васильевич Соболев, директор фирмы «Ювелир-мастер», был весьма уважаемым и, по-видимому, очень волевым человеком.

Несмотря на то что визита оперуполномоченного уголовного розыска он наверняка не ожидал, по его внешнему виду никак нельзя было сказать, что он чем-то взволнован или расстроен.

Когда Гуров появился в кабинете, директор окинул его быстрым взглядом, как бы оценивая силу противника, после чего вежливо предложил присесть.

– Чем обязан? – осведомился он.

– По моим сведениям, ваша организация участвовала в недавнем аукционе по продаже коллекции бриллиантов под названием «Фамилия». На этом мероприятии произошел довольно странный случай – у владельца коллекции были украдены дубликаты камней. Я проведу дознание в отношении этого инцидента.

– А, вот оно что. Но, насколько мне известно, подделки пропали еще до проведения торгов. – Честно говоря, мы и узнали-то об этом, можно сказать, случайно. Слухом, как известно, земля полнится. Об этом говорили в кулуарах во время вчерашних торгов, и, должен вам сказать, наши представители были немало удивлены, услышав эту новость. Случай действительно очень странный. Совершенно непонятно, кому и зачем могли понадобиться эти ничего не стоящие стекляшки. Но, собственно, что вы хотите узнать от меня? Я даже не присутствовал там и уж точно не стал бы воровать поддельные драгоценности.

– Уверен в этом. Но вас никто и не подозревает в воровстве. Просто процедура дознания такова, что я должен опросить всех лиц, прямо или косвенно причастных к происшествию. По моему разумению, ваш представитель, участвовавший в торгах, это фигура, так сказать, техническая. Навряд ли он действовал по собственной инициативе, скорее выполнял определенные инструкции вышестоящего руководства. Поэтому я решил обратиться со своим вопросом прямо к вам. С какой целью вы намеревались приобрести коллекцию? Бриллианты эксклюзивные, навряд ли планировалось использовать их в серийном производстве.

Перед тем, как ответить на этот вопрос, директор несколько минут сосредоточенно размышлял. По-видимому, он колебался, совершая нелегкий выбор между наказанием за выдачу важной «государственной тайны» и наказанием за ее сокрытие. Что бы он ни ответил на предложенный вопрос, одно из этих двух наказаний должно было постигнуть его неизбежно, и выбрать действительно было нелегко.

– Хорошо, я отвечу вам, – наконец определился с приоритетами Константин Васильевич. – Хотя, должен признаться, что, озвучивая эту информацию, я нарушаю договоренность с владельцами фирмы, но... раз уж такое дело... Просто не хочется, чтобы вы увидели какой-то криминал там, где в действительности его нет и в помине. Коллекцию хотел приобрести один из владельцев фирмы. Он большой знаток камней и имеет тщательно подобранную и очень недешевую коллекцию, которую хотел пополнить этими тремя бриллиантами. Он не склонен афишировать это свое увлечение и, желая соблюсти инкогнито, решил совершить покупку от имени фирмы. Вот и вся «тайная подоплека» этой покупки. Как видите, ничего противозаконного здесь нет. Есть лишь вполне естественное желание оградить от ненужного любопытства личное жизненное пространство.

– Как зовут этого владельца?

– Кратов. Кирилл Платонович Кратов. Если вы планируете встретиться с ним, чтобы проверить правдивость моих слов, не считите за труд сообщить ему, что я рассказал вам об этом не по собственной инициативе, а в силу сложившихся обстоятельств. Кто же станет перечить представителю уголовного розыска?

Сказав это, Соболев чуть заметно усмехнулся, и Гуров сразу подумал, что, если бы заданные им вопросы касались той главной и пока неизвестной ему темы, которая по-настоящему волновала директора, он бы еще как «перечил». Стоял бы насмерть, упираясь до последнего.

Видимо, именно с этой тайной темой было связано и то особенное беспокойство ювелиров, которое проявляли они всякий раз, когда речь заходила о «Ювелир-мастере». Но что это за тема, и имеется ли здесь какая-то связь с аукционом, пока можно было только гадать.

Тем не менее некоторое пополнение в копилке информации все же произошло. Оказывается, существовал еще один человек, желавший приобрести коллекцию бриллиантов именно как коллекцию, и в этой связи вопрос о подделках и возможных махинациях с ними снова становился актуальным.

– Уверен, беседа с Кириллом Платоновичем окажется весьма полезной, – сказал Гуров. – Вы не могли бы сообщить мне его координаты? Разумеется, я могу найти эту информацию и сам, но зачем зря тратить время. Раз уж вы взялись помогать представителю уголовного розыска, доведите процесс до логического завершения.

После этих слов улыбаться Соболеву расхотелось. Он понимал, что владельцы совсем не обрадуются, узнав, что он раздает направо и налево их «координаты». Даже если этого требует «представитель уголовного розыска». Но слово было сказано, и идти на попятную было уже неудобно.

Соболев достал смартфон и продиктовал Гурову номер Кратова.

Выходя из «Ювелир-мастера», полковник раздумывал о том, каким образом можно раздобыть информацию о «закулисной деятельности» этой фирмы. Скорее всего, это именно те самые «индивидуальные заказы». При таких заказах возможности «мухлевать» самые широкие. Значит, надо как-то ухитриться отследить процедуру выполнения этих самых заказов и узнать, кто именно этим выполнением занимается.

Поняв, что существует только один человек, который сможет выполнить это дипломатическое задание так, как следует, Гуров завел двигатель и поехал в Управление.

Стаса на месте не оказалось, зато почти сразу же следом за Гуровым в кабинет вошла секретарша Орлова и сообщила, что полковника требует начальство.

– Почему у меня до сих пор нет отчета по краже на аукционе? – нахмутив брови, грозно спросил Орлов.

– Видимо, потому, что не о чем пока отчитываться, – спокойно ответил Гуров.

– Как это, не о чем? Ты три дня этим пустяковым случаем занимаешься, и тебе сказать нечего? Не ожидал, Лев Иванович. Вот уж от кого не ожидал, так не ожидал. Ведущий опер столицы. Да-а...

– Случай вовсе не пустяковый, – не реагируя на эти укоризны, с тем же спокойствием произнес Лев. – Не исключено, что он как-то связан с убийством ювелира, которое расследует Стас. Эту связь мы сейчас пытаемся установить. Кроме того, здесь, возможно, замешаны некоторые лица и организации, которые занимаются махинациями с ювелирными изделиями. Да и вообще, столько всего здесь оказалось намешано, что без пол-литра...

– Про пол-литра даже не начинай, – без церемоний перебил его Орлов. – Ты эти пол-литра не отработал пока. Что значит – случай связан с убийством ювелира? Как он может быть связан?

– Аркадий Шульц был одним из экспертов на аукционе. Сразу же после экспертизы он захотел встретиться с кем-нибудь из правоохранительных органов и через своего знакомого вышел на меня. Но встретиться мы с ним уже не успели. Вот такая интересная тут связь.

– Вон оно как, – сразу сбавил обороты генерал. – Выходит, что ты, по сути, мог бы предотвратить это убийство. От скольких проблем бы это нас сразу избавило! А теперь вот ломай голову... Так, значит, убийство ювелира могло быть связано с кражей на аукционе?

– Да, вполне.

– Занятный поворот. Тогда, думаю, тебе имеет смысл скооперироваться со Стасом и работать, так сказать, в паре.

– А мы уже скооперировались. Разделили усилия. Он по одному направлению трудится, я – по другому. Кстати, ты не сможешь сейчас припомнить, у нас нигде не проходила некая фирма под названием «Ювелир-мастер»?

– И припоминать нечего. Буквально на днях Михалыч из прокуратуры рассказывал. Поступило к ним заявление от очень расстроенного гражданина. Гражданин решил супруге на юбилей эксклюзивный подарок сделать, заказал какой-то очень уж драгоценный гарнитур. Как раз в этой фирме. С бриллиантами, сапфирами и прочими чудесами. Они ему, как водится, все это очень красиво расписали, представили эскиз и, соответственно, цену заломили просто заоблачную. Гражданин, видимо, решил, что юбилей бывает раз в жизни, так что потратиться можно. А потом, уж не знаю по какой причине, решил он на экспертизу эти свои эксклюзивные драгоценности отдать. Эксперты посмотрели, оценили, и выяснилось, что реально эта красота и трети выплаченной за нее суммы не стоит. Камни все третьесортные, половина с дефектами, и чуть ли даже само золото заявленной пробе не соответствует.

– Нормально.

– Еще как.

– И что им за это теперь грозит?

– Да думаю, ничего.

– Как так?

– А вот так. В договоре на изготовление изделий что написано? Золото, сапфиры, бриллианты. Так ведь в реале все это и присутствует, и золото, и сапфиры, и бриллианты. Какие претензии?

– То есть они сыграли на том, что качество камней в договоре не оговаривалось?

– Само собой. Ведь материал предоставляют они, как же тут не воспользоваться случаем. Этот гражданин хоть догадался экспертизу сделать. А сколько таких, которые ни о чем таком и не думают? Верят. Или просто не разбираются. Бриллиант, как говорится, он и в Африке бриллиант, а уж какое там качество... Кто в этом разбирается, по большому счету? Разве что ювелиры.

– Что ж, значит, не зря мне говорили, что репутация у этого «Ювелир-мастера» ненадежная.

– А что, они тоже в этом деле «засветились»?

– Эта фирма – один из покупателей на аукционе.

– Вот как? Что ж, тогда кража стекляшек – точно их рук дело. Найдут дурачка какого-нибудь, да и слепят ему перстенок с эксклюзивным камушком. Пускай потом ходит, правды ищет.

– Да нет, такая схема здесь не проходит. Фирма в этом случае использовалась только как вывеска, а реально камни хотел купить один из владельцев. Для личного, так сказать, пользования. Так что вариант со стекляшками тут бы не сыграл.

– Да? Что ж, значит, моя гениальная версия нечаянно оказалась ошибочной. Ищи, Лев, тебе и карты в руки. Я, собственно, вызвал тебя потому, что самого меня насчет этого дела побеспокоили. Дескать, гость наш иностранный несолоно хлебавши уехал, пропажу ему так и не возвернули, как бы он не огорчился.

– Вот уж кто точно не огорчился, так это наш иностранный гость, – усмехнулся Лев. – Видел бы ты его сияющую физиономию, когда он из аукционного зала вышел. Он про эти свои стекляшки давно и думать забыл, даже не сомневайтесь. Это, скорее, мы огорчаться должны. Одни проблемы после себя этот гость оставил.

– Ты разговаривал с ним?

– Да, как и со всеми. И с его собственных слов могу передать, что пропажей дубликатов он совершенно не расстроен и на их неуспешных поисках ничуть не настаивает.

– А я тебе с самого начала сказал, что главная инициатива здесь исходила от аукционщиков.

– Это я уже понял. Остался пустячок – понять, от кого исходила инициатива кражи поделок и убийства ювелира Шульца.

Глава 5

Вернувшись к себе в кабинет, Гуров обнаружил, что Стас уже там.

– Рад видеть тебя на рабочем месте, – приветствовал он друга. – Как успехи?

– Переменные, – без особого энтузиазма ответил Крячко.

– По Комарову ничего интересного нет?

– Нет пока. Выполняя ваше высочайшее повеление, Лев Иванович, я приставил к нему ненавязчивую «наружку», чтобы мне докладывали о наиболее выдающихся местах его пребывания.

– И даже «наружку»? – удивился такой основательности Гуров. – Это ты прямо расщедрился. Уверен, что игра стоит свеч?

– А какие еще у меня варианты? Самому за ним ходить? У меня и без того есть чем заняться. Кроме этого Шульца еще два убийства в разработке, минуты свободной нет. А тут еще этого твоего чудака «пасти». Пусть вон ребята занимаются, им за это зарплату платят. Ты сказал, что Комарова нельзя упускать из виду, я не упускаю. А уж как – это мне самому решать. Извини.

– Ладно, ладно, – примирительно проговорил Лев. – Чего это ты разошелся? Не выпался, что ли, сегодня? Все на свиданиях пропадаешь.

– Да если бы! На свиданиях... – недовольно пробубнил Стас.

– Так что она докладывает, твоя «наружка»? Какие там у них выдающиеся места?

– Пока никаких. Утром едет в офис, в обед в кабак, иногда в клуб заезжает шары на бильярде погонять и, видимо, парой слов с тем-другим перекинуться. Клуб закрытый, очень элитный. С улицы туда не пускают.

– А живет он где?

– У него квартира в Сокольниках и особняк на Ярослав...

– В Сокольниках?! – изумленно воскликнул Гуров.

– Да, я тоже подумал, что совпало здорово. Но потом спросил у ребят адрес, оказалось, что от дома Шульца это довольно-таки далеко. Я тебе даже больше скажу, то, что у них квартиры как бы в одном районе, это, возможно, как раз фактор алиби, а не обвинения. Комаров ведь не дурак, зачем ему так подставляться? Организовывать убийство Шульца у него дома, когда его собственная квартира находится в том же районе. Уж, наверное, смог бы придумать что-нибудь поинтереснее. Что-то такое, что на его участие даже не намекало бы.

– А если не смог? Если Шулец был домоседом, а время поджимало? Кроме того, в тот день он был испуган, возможно, предчувствовал что-то, а это дополнительный повод без особой нужды не выходить из дома. В подобных случаях особо не напридумываешь, приходится действовать по обстановке. Нет, Комарова точно не следует сбрасывать со счетов.

– А его никто и не сбрасывает. «Наружку» приставил – чего уж больше?

– Ты что-то там начал про особняк. Квартира – не единственное его жилье?

– Нет. Еще коттедж на Ярославке. Ребята говорят – более чем приличный.

– Почему бы не пожить, если средства позволяют, – философски заметил Лев.

– Это да. Правда, живет он, похоже, больше в квартире. Для удобства, наверное. Но в коттедже постоянно дежурит охрана, и все всегда, как говорится, в боевой готовности.

– Твоя «наружка» и это сумела выяснить?

– То ли они еще умеют! – гордо проговорил Стас. – Комаров заезжал туда пару раз, и во второй они поближе подобрались, уже пешим ходом, разумеется. Там местность живописная, есть где укрыться. Услышали небольшой обрывок телефонного разговора. Комаров кому-то говорил – я, мол, сейчас переоденусь, перекушу и приеду. Из этого и выяснили.

– Что ж, молодцы. Хорошая работа, вполне заслуживает одобрения.

– Еще бы. Мы других не держим. А что это ты все только меня допрашиваешь? – возмущенно спросил Стас, будто только что вспомнив что-то. – У тебя у самого-то успехи есть?

– Да как тебе сказать. Тоже переменные пока. На один вопрос ответ найдешь, зато вместе с этим ответом десять новых вопросов появляется. Проявилась тут у меня одна интересная организация... Надо бы ее проверить на всхожесть. Я там, к сожалению, «засветился» уже, так что кроме тебя, похоже, больше никто...

– Как?! Опять я?! Ну, Иваныч, ты обнаглел! И оружие отрабатывать – я, и за Комаровым следить – я, а теперь еще и на всхожесть кого-то там проверять – тоже я! А ты, интересно, чем заниматься будешь? Хоть какой-нибудь фактик завалящий соизволишь отработать по этому расследованию?

– Я по этому расследованию второй день высунув язык по городу бегаю, – спокойно прервал Гуров эти негодующие вопли. – Все тебе в разжеванном виде преподношу, только проглотить остается. Фирма уже отработана, можно сказать, осталось только последний штрих добавить к картине – реальный случай мошенничества, доказанный очевидцем.

– И этим очевидцем и, соответственно, жертвой, по-твоему, должен стать я?

– Угадал. Нужен «засланный казачок», и ты – самая подходящая кандидатура для этой роли. Ты – умный, сообразительный, коммуникабельный, юморной, обаятельный, находчивый, симпа...

– Ладно, ладно, – прервал Стас этот поток комплиментов. – Думаешь, так просто меня купить?

– Да, забыл. Еще – неподкупный.

– Бессовестный ты, Иваныч! Пользуешься моим дружеским расположением, знаешь, что не смогу тебе отказать, вот и садишься на шею. Надо с этим что-то делать.

– Обязательно. Вот фирмачей этих прижмем к ногтю, тогда сразу и начнешь делать. А сейчас слушай сюда.

Минут тридцать, обстоятельно описывая ситуацию и стараясь не упустить ни малейшей подробности, Гуров разъяснял Стасу свой план. Потом еще почти столько же времени друзья спорили, пытаясь довести его до совершенства. Когда, наконец, был найден вариант, удовлетворяющий обоим, стрелки на часах показывали без пяти восемь.

– Ну Иваныч, ну, блин, энтузиаст, – вновь, как и вчера, заходился в бесплодных возмущениях Стас. – Так ведь и сделает из меня стахановца.

На следующее утро около одиннадцати часов Крячко подъехал к офису «Ювелир-мастера».

Предварительно созвонившись и представившись потенциальным клиентом, он договорился о встрече и узнал, что для контактов с клиентами существует специальное помещение с торца здания, со своим отдельным входом.

Гуров во время своего визита этот вход не заметил, но Стас, «предупрежденный и вооруженный», сразу направился по верному пути.

Никаких заградительных кордонов на этом пути не существовало. По-видимому, с этой стороны владельцы фирмы не ожидали диверсий. Присмотревшись внимательнее, Крячко понял причину этого спокойствия.

Боковое помещение хотя и было декорировано так же, как и основное здание, но в действительности являлось пристройкой к нему. Скорее всего, оно появилось намного позже, чем основной корпус, и никак не сообщалось с ним. Если попасть сюда можно было только с улицы, производственным помещениям, где обрабатывались драгоценные материалы, отсюда явно ничего не грозило.

Открыв дверь, Крячко вошел в небольшой вестибюль, где за столом с компьютером сидела миловидная девушка, а в уголке, прикорнув на диване, скучал охранник, и широко улыбнулся.

– Добрый день! Я недавно звонил вам, договаривался о встрече. Это по поводу заказа... браслет.

– А! Да-да, конечно, – торопливо заговорила девушка. – Одну минуту.

Она нажала кнопку небольшого пульта, расположенного на столе, и проговорила:

– Вадим Сергеевич, здесь клиент. Индивидуальный заказ. Он звонил сегодня.

– Понял, Танюша, жду с нетерпением, – раздался в ответ приятный баритон.

– Проходите, пожалуйста, – указала «Танюша» на дверь, ведущую из вестибюля во внутренние помещения. – Первая дверь направо.

– Спасибо, – кивнул Стас.

Чтобы придать максимальную достоверность своему образу потенциального заказчика, он скопировал из Интернета несколько фотографий ювелирных изделий и теперь чувствовал себя во всеоружии.

Вадим Сергеевич оказался довольно молодым мужчиной, весьма приятным на вид. Стасу даже показалось, что кого-то очень похожего он видел в видеоролике с рекламой мужских часов.

– Добрый день. Присаживайтесь, пожалуйста, – вежливо произнес Вадим. – Так, значит, вам бы хотелось заказать оригинальное изделие? Такое, чтобы не было аналогов?

– Да, именно. Хочу порадовать свою пассию, – бодро начал врать Крячко. – Она у меня дама с фантазией, стандартных решений не любит.

– Вот как? – улыбнулся Вадим. – Что ж, тогда вы совершенно точно обратились по адресу. Какие именно изделия вас интересуют? Колье, серьги, цепи? Или, может быть, перстни? Их заказывают, пожалуй, чаще всего.

– Да, перстень. Перстень и браслет. Хотелось бы что-то действительно необычное, но, признаюсь, у меня совершенно нет никакой фантазии. Вот, нашел в Интернете несколько фотографий. – Стас выложил перед собеседником распечатки. – Может, вы сами что-то посоветуете. У вас, наверное, есть образцы или хотя бы какие-нибудь ориентиры, чтобы я смог как-то определиться.

– Да, разумеется. Сейчас мы с вами рассмотрим возможные варианты и составим приблизительный эскиз вашего, совершенно оригинального, не похожего ни на одно другое изделия. Вот, взгляните на этот каталог...

В то время как Стас общался с сотрудниками фирмы «Ювелир-мастер», Гуров ехал на встречу с хозяином. Он рассудил, что если на предприятии имеют место какие-то махинации, собственник просто не может не знать об этом. Все-таки это не булочная. Золото и драгоценные камни, которые являлись основным «сырьем» для продукции этой фирмы, сами по себе были товаром достаточно эксклюзивным. И предположение о том, что без ведома хозяев часть этого сырья уходит «налево», казалось просто абсурдным. Поэтому он решил, что беседа с Кратовым может оказаться весьма познавательной. Официальный предлог для встречи у него был, и теперь самое время им воспользоваться.

Позвонив по телефону, который дал ему Соболев, Лев представился, после чего минут пять отвечал на испуганные и недоумевающие вопросы. Звонки из полиции здесь явно не были рядовым повседневным событием.

Когда мужчина, говоривший с ним, немного успокоился, Гуров наконец смог объяснить причину своего обращения.

– Ваша фирма была одним из покупателей на недавнем аукционе по продаже бриллиантов, – произнес он. – Там произошел странный инцидент, и теперь я опрашиваю всех участников с целью восстановить картину произошедшего.

– Но я не был там, – тем же испуганным тоном ответил Кратов. – Об этом вам лучше побеседовать с нашим представителем. С тем, кто реально принимал участие.

– Спасибо за вашу рекомендацию, но при проведении дознания обычно я сам решаю, с кем в первую очередь мне необходимо побеседовать. – Лев уже начинал терять терпение. – Сообщите, пожалуйста, где мы можем встретиться. Если вам удобно, можете подойти ко мне в кабинет.

Однако проходить в Управление Кратов не желал категорически. Поколебавшись и перебрав несколько возможных вариантов, он, наконец, как и Шульц, остановился на встрече в кафе.

– Думаю, вы понимаете, появляться в вашем заведении мне не очень удобно, – пытался он мотивировать свою нерешительность. – Сразу возникнут разные ненужные вопросы, пойдут сплетни... У нас ведь из каждого пустяка готовы сделать историю, дай только повод. Мой домашний адрес вы, наверное, уже знаете, если вам нетрудно, подъезжайте прямо сюда. Тут рядом небольшой сквер и неподалеку от него кафе. «Арлекино». Там всегда тихо, можно будет спокойно поговорить.

«Что-то я прямо как Штирлиц, – садясь за руль, мысленно усмехнулся Лев. – Все ключевые встречи у меня случаются в кафе. Надеюсь, в этот раз не получится, как с Шульцем».

Кратов жил в Одинцовском районе, и кафе «Арлекино» Гуров нашел без особого труда.

В отличие от адреса, внешность будущего собеседника ему не была известна заранее, но, войдя внутрь, он безошибочно определил, к кому следует обращаться.

Солидный пожилой джентльмен заметно выделялся на фоне прочих посетителей кафе не только стоимостью костюма, но даже осанкой. Сидя за столиком перед чашечкой кофе, он смотрел на окружающее пространство так, как смотрит феодал на свои владения. Сейчас Кратов выглядел вполне уверенно, видимо, успел подготовиться к разговору, поэтому недавние страхи его уже не одолевали.

– Добрый день, это я звонил вам, – сказал Лев, подойдя к столику. – Оперуполномоченный Гуров. Вы – Кратов, правильно? Кратов Кирилл Платонович?

– Да, это я, Вы не ошиблись. Впрочем, неудивительно. В «досье» наверняка имеется моя фотография, – слегка скривился в язвительной улыбке мужчина за столиком.

Подошла официантка, и Гуров заказал себе кофе.

– Ваша фирма выступала как один из покупателей на аукционе, – присаживаясь рядом, начал он. – С какой целью планировалось приобрести эти бриллианты? Для серийного производства украшений это слишком дорогое «сырье».

– Разумеется, – солидно произнес Кратов. – Цель покупки была иная. У меня есть небольшая коллекция, приобретаю по случаю, если появляется что-то действительно интересное. Эти бриллианты, помимо их отменного качества, имеют еще и довольно интересную предысторию, можно сказать, «Фамилия» – исторический раритет. Это заинтересовало меня, и я сделал попытку приобрести их. Но тягаться с Комаровым сложно, он предложил цену выше, чем тот максимум, который я мог профинансировать.

– То есть представитель фирмы на аукционе, по сути, действовал от вашего имени?

– Можно и так сказать.

– Вы знали об инциденте с исчезновением дубликатов?

– Да, Костя сказал мне.

– Костя?

– Константин Соболев, наш директор. Случай странный и, в общем-то, анекдотичный. Не думал, что ему придадут такое значение. Даже побеспокоят из-за этого полицейского оперуполномоченного. Скорее всего, этот Литке просто по оплошности выронил где-нибудь свой

чехол, только и всего. А у нас уж и рады из глупости ограбление века сделать. Я ведь говорил – историю состряпают из всего, был бы повод.

– А если предположить, что эти камни действительно украли? Признаться, я не очень-то разбираюсь в подобных вещах, поэтому ваше мнение, как специалиста, было бы мне особенно интересно. Какие цели мог преследовать этот странный вор? Как можно было использовать подобные подделки?

– Да никак. Кому интересны стекляшки? Даже если кто-то хотел использовать их с целью подмены, она обнаружится через две секунды. Какой смысл?

– Но, если я правильно понял, на вид дубликаты практически невозможно отличить от настоящих камней.

– Да, внешне они похожи, но кто же судит о подобных вещах по внешности? Простейший датчик для определения натуральных камней, который имеется в каждом ломбарде, уже покажет, что о бриллиантах здесь не идет никакой речи. О профессиональной экспертизе я даже не говорю. Так в чем же тогда смысл подобной кражи? Ответ совершенно очевиден – смысл отсутствует. Я уже сказал и могу лишь повторить вам – на мой взгляд, никакой кражи здесь не было, а была обычная невнимательность и рассеянность. Литке был озабочен продажей настоящих камней, ему хотелось выручить за них максимальную сумму, уверен, это целиком и полностью занимало его мысли. На дубликатах он не был так сосредоточен, в какой-то момент упустил их из виду, забыл, где оставлял в последний раз, и... случилось то, что случилось.

– Что ж, возможно, вы правы. Ваша позиция мне ясна, не буду больше отнимать у вас время. Еще только один вопрос. На сайте вашей фирмы «Ювелир-мастер» говорится о выполнении индивидуальных заказов на ювелирные украшения. Насколько я понял, это эксклюзивная услуга, производители серийных изделий предлагают ее не так часто. Вы не могли бы сказать, что обусловило ее появление в вашем списке предложений?

В уверенном до этой минуты взгляде Кратова мелькнул испуг, и все черты как-то сникли, утратили то спесивое самодовольство, с которым он вел эту беседу. Он несколько минут сидел молча, явно прикидывая в уме наиболее подходящие варианты ответа, а потом медленно заговорил:

– Производственная политика фирмы – это сфера компетенции соответствующих специалистов, а я всего лишь собственник. Я полностью доверяю людям, которые у меня работают, и уверен, если они включают в перечень какую-то новую услугу, то делают это не без оснований. Но сам я не занимаюсь решением подобных вопросов. И это, конечно, к лучшему. Что я могу посоветовать профессионалам? Им лучше знать, что будет работать на благо фирмы, а, следовательно, и всех нас. Поэтому я не вмешиваюсь. Думаю, вы получите гораздо больше информации, обратившись с этим вопросом к Константину.

«Представляю себе! – с иронией подумал Гуров, слушая эту вежливую отповедь. – Из Константина-то эту «информацию» не вытянуть и клещами, можно даже не сомневаться. Не успею я и шагу отсюда сделать, как он уже получит строжайшие инструкции стоять насмерть».

Понимая, что лобовыми атаками в этом случае ничего не добиться, он не стал больше задерживать взволновавшегося и вновь испуганного Кирилла Платоновича. Выслушав его дипломатичные объяснения, попрощался, расплатился за кофе и поехал в Управление.

Скоро должен был вернуться с «боевого задания» Крячко, и Гуров с большим интересом ждал его рассказа об этой партизанской вылазке в стан врага. На Стаса он надеялся гораздо больше, чем на откровенность со стороны дирекции или собственников. Тот мог разговорить кого угодно, и нередко случалось так, что его собеседники, не знаящие, кто скрывается под легкомысленной маской болтуна и балагура, выкладывали гораздо больше информации, чем собирались вначале.

Стас появился минут через десять после Гурова. Радостный и возбужденный, он бодро прошел к своему столу и, обратившись к напарнику, безапелляционно заявил:

– Ну, Иваныч, пляши!

– То есть?

– А то и есть. Сколько я всего тебе вкусенького приволок, это ни в сказке сказать, ни пером описать. Вся подноготная этой гнилой шарашки теперь как на ладони.

– Серьезно? Так чего ж ты ждешь? Доставай свое «вкусненькое», выкладывай. Похоже, не зря я на эти индивидуальные заказы запал, в них дело?

– В них, родимых. Это уж как пить дать. Только как же я тебе выкладывать-то буду? Ты ж не сплясал.

– Стас, хватит дуру валять! У меня от этого дела уже башка пухнет, а ты все со своими шуточками. Что там сказали тебе эти ювелиры? Склепают браслетик?

– Еще как «склепают»! И склепают, и догонят, и еще наклепают. Там, похоже, дело на широкую ногу поставлено.

– Рад это слышать. Но лучше начни по порядку. Через кордоны тебя легко пропустили?

– Через кордоны? С чего это ты взял? Никаких кордонов там не было. Спокойно зашел в дверь. Это ты, наверное, главный вход имеешь в виду.

– Само собой. А ты через какой заходил?

– А я через потайной, – усмехнулся Стас. – Там у них сбоку пристройка к основному зданию имеется. Она смотрится, в общем-то, как одно целое, сразу и не заметишь, что это совсем другое помещение. Думаю, ее просто прилепили к внешней стене основного корпуса, и между собой они никак не сообщаются. Поэтому и кордонов там никаких нет. Чтобы в главное здание попасть, стену взрывать придется.

– Вот оно что. Понятно.

– В этой пристройке и размещается у них клиентский отдел. Поскольку я заранее договаривался, меня там уже ждали. Встретили, обласкали, все честь по чести. Прошел я в кабинет, там мальчонка за столом сидит, ничего себе такой, вполне цивилизный. Вадим Сергеевич. Ну, я этого Вадима Сергеевича раскусил быстро, и уже минут через десять мы с ним были на «ты» и общались как старые кореша. Причем, судя по его постоянным ухмылкам, он ни на минуту не усомнился, что это он меня разводит, а не я его.

– Значит, касательно индивидуальных заказов все соответствует заявке? – спросил Гуров. – Принимают заказы у населения?

– Еще как принимают! И принимают, и сами предлагают, все прямо как по-настоящему. И фотки, и каталоги имеются. Да я и сам с собой прихватил для образца. Думаю, чего с пустыми руками идти. Пусть знают, что не просто потрепаться, а с серьезными намерениями человек к ним явился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.